

Февральская сирень

Автор:

Людмила Мартова

Февральская сирень

Людмила Мартова

Желание женщины

Жизнь владелицы престижного салона красоты Любви Молодцовой вполне благополучна: отлаженный бизнес, обожаемый сын-отличник, верные подруги, прекрасно устроенный быт. Не хватает только мужчины, любимого и единственного, ведь с мужем Люба давно развелась, а многочисленные романы остались позади. Но все меняется, когда в ее доме появляется жизнерадостный и немного бестолковый лабрадор Цезарь. Собаке нужен тренер-кинолог, а самому тренеру, Дмитрию Воронову, – душевное тепло и нежность. Тогда он ради любимой женщины и ее семьи горы свернет! А без помощи Дмитрия Любе никак не обойтись, ведь за ее собакой охотится банда догхантеров, а сыну угрожает смертельная опасность...

Людмила Мартова

Февральская сирень

Удивительным врачам Вологодского ветеринарного центра и В.В. Цыбулину с восхищением их человечностью и верностью профессии

Все события вымышленны. Любые совпадения случайны.

В морозном воздухе растаял легкий дым,

И я, печальною свободою томим,
Хотел бы вознестись в холодном, тихом гимне,
Исчезнуть навсегда, но суждено идти мне
По снежной улице, в вечерний этот час.
Собачий слышен лай, и запад не погас,
И попадаются прохожие навстречу.
Не говори со мной! Что я тебе отвечу?

Осип Мандельштам

© Мартова Л., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Если вы подберете на улице дворовую собаку и накормите ее, она никогда вас не укусит. В этом и состоит разница между собакой и человеком.

Марк Твен

Пес устал от неприкаянности и замерз. Первые ноябрьские морозы были жестоки к нему, совсем недавно ставшему бездомным. Бесцельно бродя по улицам, он раскапывал в жидком снегу, скупно укрывшем газоны, скукожившиеся, коричневые от мороза яблоки, оставшиеся с богатой на яблочный урожай осени. Яблоки уже три дня были его единственной едой.

Пес с надеждой вглядывался в лица встречных людей, казалось, тоже скукожившихся от холода. Но люди спешили мимо, с опаской обходя

здоровенную собаку с уже ввалившимся от голода животом, но все еще довольно ухоженную, явно хозяйскую. Им не было до нее никакого дела.

Иногда пес заскакивал в автобус или троллейбус, чтобы погреться. Один раз даже заснул, разморенный теплом и мерным покачиванием грязного пола, на котором свернулся клубком. Ему снился огонь в большом камине, в прошлом году в такие холода его всегда разжигал хозяин. Огонь незлобиво трещал, рассыпая искры, которые то и дело норовили выскочить на железный лист, приколоченный к деревянному полу. Пес, который тогда был еще смешным пузатым щенком, припадал на передние лапы, играя с раскаленными угольками, делая вид, что нападает на них, но в последний момент всегда отступал. Страх перед огнем был у него генетическим.

Хозяин весело смеялся, наблюдая за его прыжками. И иногда даже давал лакомство – свиные уши, купленные во время последнего визита в ветеринарной клинике. Пес утаскивал такое ухо к себе на подстилку – шуршащую, из водонепроницаемой ткани, зеленой в красную клеточку. Примерно час после этого он был очень занят.

Еще у него была любимая игрушка – завязанная узлами крепкая веревка, сплетенная из разноцветных нитей. Пес приносил ее хозяину и предлагал поиграть. И хозяин никогда не отказывал ему. Никогда, кроме одного-единственного раза.

Вспомнив этот единственный раз, пес протяжно завыл во сне и тут же был разбужен пинками дородной кондукторши.

– Пошел вон отсюда, скотина! – завизжала она, брызгая слюной и распространяя нестерпимый аромат лука. – Разлегся тут и воет, как по покойнику. Расплодили собак, чтоб вы все подохли, заразы!

Так из теплого нутра троллейбуса пес опять был выдворен на мороз и потрусил куда глаза глядят. Людей, пинающих в беззащитный бок ботинками на грубой подошве, он теперь обходил стороной и незаметно для себя оказался на пустыре, заросшем сухой, а теперь и замерзшей травой, которая скрывала его с головой.

Тут уже не пахло яблоками, но, припадая носом к твердой морщинистой земле, он все-таки искал что-нибудь съедобное. Чуткий нос унюхал слабый аромат, исходящий из канавы. Пес помнил, что хозяин называл «это» докторской колбасой. Продравшись сквозь колкий и царапающийся сухостой, на котором клочьями оставалась шерсть, пес пробрался к источнику этого волшебного аромата – спортивному рюкзаку, бесстыдно обнажившему нутро, в котором среди каких-то тетрадей и книг блестел целлофановый пакет с бутербродами.

Ухватив пакет зубами, пес мотнул головой, чтобы вытащить его, и в этот момент увидел руку, вцепившуюся в лямку рюкзака. Рука выглядела так же, как рука хозяина, когда пес видел его в последний раз. Она свесилась с носилок, когда тело хозяина увозила специальная машина. Рука была абсолютно, бесповоротно мертвой. Это пес тогда понял сразу, хотя и бежал за машиной несколько кварталов, пока не потерял ее из виду. Ее, а вместе с ней и всю свою прежнюю сытую безбедную собачью жизнь.

Эта рука тоже была неживой. Не очень чистая, в пятнах от пасты, вытекшей из шариковой ручки, с кожаным браслетиком-веревочкой на запястье. Прихватив пакет с каменными от мороза бутербродами покрепче, пес задом выбрался из канавы и, не оборачиваясь, побежал подальше.

Глава 1

Плюсы и минусы раннего пробуждения

Чем больше узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки.

Генрих Гейне

– Здравствуйте, Любовь Пална. Холодина-то какая, градусов пятнадцать, не меньше! – Уборщица баба Валя с удовольствием отвлеклась от мытья пола, приветствуя начальницу. – Что-то вы раненько сегодня, или клиентов ждете?

– Да, я клиентов жду, всегда клиентов жду, – пропела Лелька на мотив модной песенки из ее детства, в которой без конца повторялось «я танцевать хочу, я

танцевать хочу». Лельке танцевать не хотелось, но настроение с утра было хорошее, несмотря на морозную и какую-то мрачную погоду и на то, что сегодня ей действительно пришлось приехать в салон часа на два раньше обычного.

Одним из самых страшных наказаний она считала именно ранний подъем. Лелька была классической совой, которой ничего не стоило затеяться с опарой на пироги полпервого ночи, но испытывающей страшные мучения, если будильник звонил раньше полдевятого утра.

Насмешка судьбы состояла в том, что много лет ей приходилось вытаскивать себя из постели в пять. Ее мама работала дворничихой, и лет с девяти Лелька помогала ей мести двор, собирать опавшую листву, обкалывать лед с тротуара и собирать снег с проезжей части в ровные кучки. Мама вздыхала, видя, как дочка с зажмуренными глазами слезает с кровати и натягивает шерстяные рейтузы зимой или спортивные штаны с вытянутыми коленками летом. Она ни за что не будила бы Лельку, позволяя ей поспать подольше, но дочь с ранних лет проявляла завидное упорство во всем, что считала нужным или правильным. Помогать маме по утрам было нужно и правильно. Мама была слабенькая и часто болела. Лелька ее жалела.

Она уже заканчивала училище, когда мамы не стало. И вставать в пять утра стало незачем, впрочем, в том, чтобы просыпаться в начале седьмого и на троллейбусе к восьми утра добираться на другой конец города в маленькую обшарпанную парикмахерскую, куда она устроилась на работу, тоже не было ничего приятного.

Правда, первые смены были все-таки день через день, а когда выпадала вторая, Лелька дрыхла до двенадцати. Но потом она довольно быстро выскочила замуж и как примерная жена по утрам кормила мужа перед работой завтраком. Это было нужно и правильно. Потом родился Максимка, и утренние сборы в ясли – детский сад – школу надолго отодвинули сибаритские замашки, неизвестно откуда взявшиеся у дворничихиной дочки.

Но теперь утренняя маета с ранним вставанием, впрочем, как и замужество, была в прошлом. Любовь Павловна Молодцова – успешная, уверенная в себе владелица престижного салона красоты, один из лучших в городе мастеров, попасть к которому считалось превеликим счастьем и удачей, могла себе позволить не появляться на работе раньше десяти утра.

Семнадцатилетний Максим собирался в лицей самостоятельно и в маминых хлопотах не нуждался. Поэтому только в те дни, когда какому-то особенно важному клиенту, точнее, клиентке, нужна была укладка «от Молодцовой» с самого утра, она отступала от много лет назад отвоеванного у судьбы права высыпаться. Впрочем, каждое такое отступление того стоило. Ее фирменная укладка обходилась клиенткам в триста долларов до десяти утра и в двести в оставшееся рабочее время суток.

Сегодня на восемь утра к ней была записана начальница областного департамента финансов – роскошная холеная дама, чередующая бриллианты с изумрудами и рубинами. В правительстве области ждали шведскую делегацию, поэтому утренняя укладка была жизненной необходимостью, ради которой Лелька и приехала в салон, по своим меркам, ни свет ни заря.

Впрочем, здесь уже вовсю кипела жизнь. Та самая жизнь, которую она любовно создавала последние годы. Салон работал с шести утра, и многие постоянные клиентки приходили сюда по два-три раза в неделю именно к этому времени, чтобы встретить рабочий день во всеоружии. Прайс-лист у обычных парикмахеров был, конечно, скромнее, чем у хозяйки, но тоже весьма и весьма солидным. Впрочем, здесь действительно работали лучшие мастера города. Лелька не ленилась отыскивать их по разным салонам и парикмахерским и не стеснялась перекупать бесстыже высокими зарплатами, оплачиваемыми курсами повышения квалификации, в том числе и в Париже, гарантиями под ипотечными кредитами и прочими благами цивилизации.

Работать в салоне «Молодильные яблоки» было так же престижно, как и являться его клиентом. Поднятую, вернее задранную, планку Лелька ронять не собиралась, придумывая все новые виды услуг для капризных модниц, а потому процветала. В свое нищее полуголодное детство, которое прошло в деревянном бараке, Лелька оглядывалась с холодной ненавистью. И была готова работать до седьмого пота, чтобы отстоять все то, что имела сейчас. Четырехкомнатную квартиру в двух уровнях, кроваво-красный «Ниссан Джук» и невесомую курточку из стриженной норки для себя, айфоны и айпеды последней модели для Максимки и другие обязательные атрибуты богатой, уверенной в себе стервы, добившейся всего собственным трудом и талантом, а главное – не зависящей от мужчин.

Мужчин Лелька презирала.

– Как спина, баба Валя? Может, все-таки пойдете на больничный? – спросила она уборщицу, разматывая длинный ярко-красный, под стать машине, шарф.

– Не, Пална, не пойду. – Бабка даже руками замахала, отметая столь дикое предположение. – Мне шваброй пол помыть не в тягость, а воду Петя меняет. – Из служебного туалета в конце коридора действительно показался рыхлый лохматый подросток в продырявленных по последней моде джинсах и толстовке с надписью «Я люблю Нью-Йорк». Толстовку Лелька привезла в прошлом году из этого самого Нью-Йорка специально для Пети.

Во внуке баба Валя души не чаяла, а Лелька была привязана к полной одышливой уборщице, которую отказывалась увольнять, несмотря на некоторое несоответствие ее внешнего облика статусу заведения.

– Любовь Павловна, нам давно нужно клининговую фирму нанять, – твердила главбух Зоя. – Девочки шустрые в два раза быстрее все вымоют, чем бабка наша. Это ж позор салону, честное слово! Каменный век.

– Баба Валя будет здесь работать столько, сколько пожелает, – упорно отвечала Лелька. Так было нужно и правильно. Ведь старуха была первой работницей, устроившейся в ее только что открытый салон десять лет назад. И Лелька искренне считала ее чем-то вроде талисмана.

– Привет, Петя. Бабушке помогаешь или школу прогуливаешь? – дружелюбно поинтересовалась она у подростка, который со стуком поставил ведро с водой, заставив небольшой фонтанчик выплеснуться на до блеска отдраенный пол.

– Не, не прогуливаю, сейчас поеду, – ответил Петя, приняв независимый вид. – Ба, я пошел, да?

– Иди-иди, Петенька, – засуетилась старушка. – Я уже заканчиваю тут. Вы не волнуйтесь, Любовь Пална.

– Я и не волнуюсь. – Лелька пожала плечами и скрылась за дверью своего кабинета с витой единичкой внутри красного яблока. – Когда закончите, идите к Аркадию в кабинет на массаж, – прокричала она уже оттуда. – Слышите, баба Валя? Я распоряжусь сейчас.

– Спасибо, – благодарно произнесла в ответ уборщица. – Дай бог здоровья вам, Любовь Пална! Хороший вы человек. С пониманием к рабочему классу.

– А я, по-вашему, кто? – Лелька снова появилась на пороге, насмешливо глядя на засуетившуюся бабу. – Проклятый капиталист?

– Да что вы, вечно я ляпну! – Баба Валя в отчаянии всплеснула руками. – Я ж знаю, как вы работаете. Я ж не в попрек. Я ж любя. Я ж к вам как к дочери.

– Ладно, проехали. – Лелька засмеялась и пошла натягивать блестящий халат, в котором всегда работала с клиентами. Финансовая чиновница отличалась пунктуальностью и должна была появиться с минуты на минуту, поэтому, заперев дверь директорского кабинета, Лелька устремилась в парикмахерский зал.

Ее кресло всегда было свободно. Помимо него в женском зале имелись еще четыре рабочих места. Плюс мужской зал на два кресла. Кабинет для маникюра на два стола, педикюрный кабинет с одним креслом. Массажный кабинет. Комната для гидромассажа. Так на данный момент выглядело безраздельное царство Любви Молодцовой.

Летом она купила соседнее помещение, чтобы открыть там косметический салон и зал лечебной гимнастики. Успешный бизнес требовал расширения, клиентки становились все взыскательнее, а рынок услуг по поддержанию красоты и молодости все изощреннее, поэтому, немного подумав, Лелька взяла довольно крупный кредит и сейчас доделывала на новой площади ремонт. По ее плану, а свои планы Лелька воплощала в жизнь всегда и при любых обстоятельствах, новые направления «Молодильных яблок» должны были заработать сразу после Нового года.

– Доброе утро, – приветливо поздоровалась она с двумя работающими с утра мастерицами и их клиентками. Те радостно заулыбались в ответ.

– Здравствуйте, Любовь Павловна. – Одна из работающих девочек была новенькой. Лелька высмотрела ее в училище, на конкурсе профмастерства, куда всегда ходила в поисках таких вот неограниченных алмазов, а потом несколько месяцев ставила ей руку и обучала разным хитростям. Девочка была талантливой и многообещающей. – Любовь Павловна, а вам не нужна собака?

– Что? Какая собака? – удивилась Лелька.

– Хорошая собака. Лабрадор. – Девочка, которую звали Лена, прижала к груди руку с блестящими ножницами. Ножницы для салона Лелька закупила у японской фирмы «Мизутани», и стоили они целое состояние. – Моя подруга неделю назад подобрала на улице бездомного лабрадора. Он потерялся, наверное. Мы с ней объявления расклеили по всему городу, и в Интернете написали, но хозяин так и не нашелся. А она не может его у себя держать, у нее ребенок годовалый, а мужа нет, гулять некому, на улице ребенку холодно, а одного его дома не оставишь. В общем, она собаку в приют сдала. Для бездомных животных. Но он там пропадет. А пес хороший. Породистый. Взрослый уже. В приюте сказали, больше года ему. И ласковый очень. Жалко.

– Лен, ну какая мне собака, я на работе с утра до вечера! – махнула рукой Лелька. Правда, рассказ не оставил ее равнодушной. Максим уже год просил именно лабрадора, а она все откладывала покупку, пока парень еще немного подрастет и наберется ответственности, позволяющей воспитать щенка. А тут взрослая чужая собака.

День потек своим чередом. После укладки финансистке Лелька сделала две стрижки и одно многослойное окрашивание, после чего уединилась в директорском кабинете, чтобы заняться организационными вопросами. Салон забирал у нее все время без остатка. Закупка препаратов, расчеты с налоговой, поставка оборудования, обучение нового персонала, получение лицензии для косметологических услуг – дела не кончались никогда.

Вынырнуть из этой круговерти ее заставил звонок любимой подруги – шепотной звезды журналистики Инны Полянской, ваяющей свои острые материалы под псевдонимом Инесса Перцева.

– Причешешь? – без лишних вступлений закричала та в трубку.

– Повод какой или для поднятия настроения? – поинтересовалась Лелька. Своих подруг, которых у нее было четыре, она обожала и прически им делала в любое время и в любом состоянии. Не беря денег, разумеется.

- В областном УВД нового генерала представляют, – доложились Полянская. – Ты ж понимаешь, я должна быть вся неземная.
- Ты всегда неземная, – засмеялась Лелька. – Приезжай, конечно, сто лет не виделись. Ты ж появляешься только тогда, когда тебе от меня что-то надо.
- Ну не свисти, подруга, – возмутилась трубка. – Сегодня среда, а в субботу ты на моей кухне прекрасно уплетала рулет с маком. Конечно, никто не считал, но куска три ты точно слопала.
- Четыре. А не надо так вкусно готовить, если не хочешь, чтобы тебя объедали. Давай, двигай сюда. А то я еще планировала сегодня съездить мебель заказать.
- Одна нога в редакции, другая уже у тебя, – заверила ее Инна и действительно минут через десять огненно-рыжим вихрем ворвалась в салон, несмотря на маленькую хрупкую фигурку, заполнив его собой до отказа.
- У тебя сколько времени? – поинтересовалась Лелька, усадив подругу в кресло. – Я бы тебе заодно концы бы подровняла. Линия стрижки уже немного нарушилась.
- Давай, – охотно согласилась Инна. – Мне на брифинг только через два часа, я ж специально заранее позвонила. Понимаю, что ты можешь быть занята.
- Все вы у меня понимающие, подруги дорогие. – Лелька споро защелкала своими удивительными ножницами, ее пальцы летали над рыжей головой подруги, снимая по миллиметру, не больше. – Ездите вы на мне. А вот не была бы я у вас известный парикмахер, что бы вы делали?
- Пропали! Как есть, пропали бы, – закивала Инна. – Мы ж тебя знаешь как любим и ценим!
- Во-первых, не вертись, а во-вторых, не подлизывайся, – приказала Лелька. – Расскажи лучше, какой очередной шедевр готовишь. Я ж в жизнь не поверю, что ты не припасла какого-нибудь очередного «гвоздя», чтобы не воткнуть его в задницу своих редакционных конкурентов!

– Да каких там конкурентов, я тебя умоляю! – вздохнула Инна, картинно наморщив острый носик. – Как Стародуб по пьяни уволился, так совсем тухло стало. На мои темы теперь никто даже не зарится. Так что сижу я, как королева, одна в отдельном кабинете и «гвозди» от номера в номер заколачиваю. По самую шляпку. А если серьезно, то я с тобой поговорить хотела. – Она немного понизила голос, чтобы не привлекать внимания других клиентов: – Лель, не хочу тебя пугать, но в городе опять активизировался митинский маньяк. Ты проинструктируй Максима, чтобы поосторожней был.

– Кто активизировался? – не поняла Лелька.

– Маньяк, который на пустыре в Митине молодежь убивает. Ну, два года назад там студента первого курса убили, и до этого около пяти лет назад пацана там нашли. Неужели не помнишь?

– Смутно, – призналась Лелька, у которой похолодело под ложечкой. – И что, опять погиб кто-то?

– Да в том-то и дело. Нашли тело молодого парня. Только-только восемнадцать исполнилось. И картина та же самая – удушили его чем-то. Посреди белого дня. Митинский пустырь, конечно, место безлюдное, но чтобы вообще никто ничего не видел, такое редко бывает.

– А вроде писали, что поймали этого упыря? – припомнила Лелька.

– Не следишь ты, Молодцова, за творческим путем подруги! – с укором ответила Инна. – Там прошлым летом девчонку молодую изнасиловали и убили, и довольно быстро преступника нашли, который на себя и остальные убийства взял. Он даже до суда не дожил, в камере тихо удавили. Но я тогда в своей статье писала, что он к митинскому маньяку никаким боком. Почерк другой совсем. И вот, пожалуйста, и полугода не прошло, как новое убийство подтвердило мою правоту.

– Ты так говоришь, как будто тебя это радует! – в сердцах воскликнула Лелька.

– Я это говорю для того, чтобы ты провела с сыном воспитательную работу. Ему, конечно, на Митинском пустыре делать нечего, у него лицей совсем в другом районе, но все-таки береженого бог бережет. А насчет того, что меня это

радует... Нет, конечно, но мой профессиональный цинизм позволяет мне испытывать легкое удовлетворение, когда я оказываюсь более правой, чем правоохранительные органы. Уж извини за тавтологию.

– Иногда мне кажется, что ты – моральный урод, – дрожащим голосом произнесла Лелька.

– Тебе не удастся меня этим обидеть, тем более что Алиска тоже всегда так говорит. – Инна повертела головой и с удовольствием посмотрела на свое прекрасное отражение в зеркале. – О, надо ей тоже позвонить, предупредить. У нее Сережке тоже месяц назад восемнадцать стукнуло. Правда, он не такой ботаник, как твой, нормальный пацан, спортом занимается, но маньяк – дело серьезное. А надежд, что его поймают, лично у меня никаких. За пять лет ни одной зацепки. Да и Наташке тоже надо сказать, чтобы за Ромчиком следила. Он младше, конечно, но на всякий случай.

– Да ну тебя, напугала! – Лелька расстроено взмахнула расческой. – Пойду, правда, Максимке позвоню. Мало ли чего. Ты меня держи в курсе дела, ладно?

– Договорились. Все. Целую, я побежала. – Огненно-рыжий вихрь, совершенный до кончиков только что подстриженных волос, взметнулся, процокав тоненькими каблучками, и пропал в дверях салона, оставив лишь запах каких-то сложных духов. Инна Полянская была та еще штучка. Посмотрев ей вслед, Лелька покачала головой и начала набирать телефонный номер сына.

Глава 2

Школа сословия

Слезы могут значить больше, чем улыбка. Потому что улыбаемся мы почти всем подряд, а плачем только из-за тех, кого любим...

Одри Хепберн

– Черт, черт, черт! Ну почему в этой части города всегда пробки! – Лелька в отчаянии смотрела через подернутое морозом лобовое стекло машины на намертво вставший мост, который вел в Заречную часть города. Именно там располагался самый крутой и престижный лицей, который в этом году заканчивал ее сын Максим.

Когда-то, когда сама Лелька была еще школьницей, разделение по социальным слоям велось в алфавитном порядке. К примеру, ее – дочку дворянчицы, которая в свои семь лет уже знала все буквы и бегло читала, показывая скорость 120 слов в минуту, в «А» класс, конечно, не взяли.

Про социальное неравенство Лелька тогда не понимала и просто жутко расстраивалась, что не может сидеть за одной партой со своей лучшей подружкой Алисой Соловьевой (ныне Стрельцовой, по бывшему мужу). Она не сомневалась, что если будет хорошо учиться, очень-очень хорошо, то ее обязательно переведут к «ашкам». После первого класса, принеся домой табель с одними пятерками, она попросила маму переговорить с директором школы о переводе, но мама категорически отказалась, а когда дочка попробовала настаивать, погладила ее по голове и заплакала:

– Ну что ты, Леленька, да разве она со мной разговаривать станет? Кто я – и кто она?

Лелька никакой разницы между своей мамой и директрисой не видела. Разве что мама была добрая и ласковая, а директриса – надменная и злая. Но для перевода из класса «В» в класс «А», по Лелькиному разумению, это никакого значения не имело. Она терпеть не могла, когда мама плакала, поэтому тут же разревелась сама и сказала, что ходить никуда не надо.

Блестяще окончив начальную школу (она оказалась единственной ученицей на всей параллели, у которой за три года не было ни одной четверки), Лелька пошла к директрисе сама. Ей представлялось вполне очевидным, что при переходе на следующую ступень она должна попасть в вожделенный класс «А». Мечта за три года не потускнела, ей по-прежнему хотелось учиться вместе с Алисой и Наташкой, с которой Алиса, за неимением Лельки, сидела за одной партой и которая оказалась неплохой девчонкой, несмотря на то что ее мама была как две капли воды похожа на директрису – такая же злая и надменная.

Такого унижения, как во время разговора с директором, Лелька больше не испытывала никогда. Методист со стажем быстро и доходчиво объяснила ей, почему, несмотря на все свои успехи, дочка дворничихи никогда не сможет ходить на уроки вместе с детьми врачей, инженеров, работников торговли и уж тем более преподавателей научного коммунизма. Научный коммунизм преподавала как раз Наташкина мама.

- Место свое надо знать, деточка, - укоризненно выговаривала ей директриса. - Сама-то подумай, какая ты им ровня? У тебя и одежды-то никакой нет, кроме школьной формы. Как ты будешь к ним на дни рождения ходить? Позориться только.

На дни рождения Алисы Лелька прекрасно ходила в школьной форме, и никого это не смущало. Да и на Наташкином дне рождения она тоже один раз была, хотя и думала потом, почему Наташкина мамаша так странно на нее смотрит. Расшифровать это выражение лица Лелька смогла, только став постарше. Оно содержало смесь брезгливости и недоумения.

Ее собственные дни рождения и другие праздники в их доме всегда проходили очень весело. Мама придумывала удивительные конкурсы, в которых все дети с удовольствием принимали участие, а стол накрывала чаем с пирогами. Пироги были самые разные - с брусникой, луком, картошкой, в общем, всем тем, что летом они привозили из деревни от бабушки. И до приснопамятного разговора с директрисой Лелька совершенно искренне не задумывалась, что чем-то отличается от своих закадычных подружек. Кроме цвета глаз, конечно.

В четвертом классе она совершенно забила на учебу. Мотивации учиться отлично у нее больше не было. А к седьмому классу Лелька стала притчей во языцах всей школы, так как ругалась отборным матом, курила и водилась с самыми отпетыми хулиганами. На дружбу с ней родители Наташки наложили официальный мораторий, который та неофициально нарушала, а родители Алисы, посоветовавшись, решили уважать право своей дочери самой выбирать себе друзей. Единственное, что делала Алискина мама, гинеколог по профессии, это регулярно проводила среди их девчачьего коллектива разъяснительные беседы, которые действительно позволили Лельке избежать целой кучи проблем, как с венерическими заболеваниями, так и с нежелательной беременностью.

Впрочем, Алискина мама сделала для нее гораздо больше. Именно она была тем человеком, который в восьмом классе в прямом смысле слова поставил ей голову на место.

Было воскресенье, часов восемь вечера, и Лелька заявила к Алисе домой, чтобы немного отсидеться после дня рождения своего тогдашнего парня – Лешки Обреза. Уж как ни была она пьяна, а понимала, что на глаза к маме в таком виде появляться нельзя. Ругать она, конечно бы, не стала, но расстроилась бы сильно. А расстраиваться маме было никак нельзя.

Кроме Алисы идти было некуда. Подруги дома не оказалось, отец ее находился в командировке, и дверь открыла Александра Андреевна. Оценив масштаб бедствия, она молча втянула нетвердо стоявшую на ногах Лельку в квартиру, в ванной стащила с нее одежду и поставила под контрастный душ, затем растерла полотенцем и отпоила крепким чаем, после чего сказала:

– Люба, я сейчас скажу тебе одну вещь. Скажу и забуду. Потому что такие вещи говорят только один раз. Ты одна в ответе за свою судьбу. Ты можешь жить, как живешь. И тогда твоя дочь будет также ходить в «В» класс и злиться на то, что ее не принимают в круг избранных. Но ты можешь поставить перед собой цель, чтобы у твоей дочери было все, чего лишена ты. И стремиться к этой цели.

После этого разговора Лелька три дня не ходила в школу, притворившись больной, а когда пришла, это был уже совсем другой человек. Она больше не встречалась со своей старой компанией, Лешка Обрез, к слову, караулил ее целую неделю, пока не понял, что его вероломно бросили.

Закончив восемь классов, Лелька подала документы в ПТУ. В девятый директриса ее не взяла бы ни за какие коврижки, да и сидеть на маминой шее было уже совсем невозможно. Та уже практически не вставала, всю работу за нее выполняла Лелька, так что нужно было определяться с профессией и самой начинать зарабатывать.

Лелька определилась и стала парикмахером. Через полгода к ней записывались в очередь, и единственное, о чем она жалела, что мама так и не успела узнать, что ее дочка удивительно талантлива. Впрочем, Лелька была уверена, что мама никогда в ней и не сомневалась.

Сейчас, как и обещала Александра Андреевна, ее дочь взяли бы в любую самую престижную школу города. Ведь теперь социальный раздел проходил не по буквам алфавита, а сразу по целым школам. Чтобы поступить в самые модные, нужно было всего лишь сделать солидный взнос и не скупиться в дальнейшем. Лелька легко могла это сделать, только все это оказалось совершенно ни к чему. Дочери у нее не было, а был сын Максим, который, окончив начальную школу, расположенную в их районе (Лельке было катастрофически некогда возить его куда-то на машине, потому что она все время работала), самостоятельно забрал документы и отправился сдавать экзамены в лицей.

О том, что он туда поступил, сын сообщил Лельке за ужином. Она посмотрела на него недоверчиво. Попасть в лицей за деньги было невозможно. Совсем. Директор Александр Васильевич Гоголин, основавший это учебное заведение, признавал лишь один критерий отбора – талант. Математический ли, гуманитарный ли, неважно. Он отбирал способных детей со всего города и уговаривал их родителей, среди которых были и дворники, и водители, и даже сезонные рабочие с Украины, перевести их в лицей.

Его ученики неизменно побеждали по всем предметам в областных олимпиадах. Да что там в областных! Лицей входил в десятку сильнейших по стране. Его выпускников, которые лидировали даже на олимпиадах международных, и без экзаменов брали в лучшие вузы Москвы и Питера.

Поступить в лицей могли только мальчики, но и обезумевших родителей мальчиков хватало. Каждый год кто-нибудь в порыве отчаяния обязательно падал пред Гоголиным на колени, пытался дать взятку, ублажить его, сделать что угодно, только бы ребенок попал в сонм избранных. Но Гоголин стоял, как скала. Единственным способом попасть в лицей оставалась сдача сложнейших экзаменов. И к огромному удивлению Лельки, ее сын Максим Молодцов выдержал их с блеском.

Сейчас он учился в одиннадцатом классе, избрав специализацией биологию. Назвав его ботаником, Инна Полянская не сильно погрешила против истины. Макса не интересовало ничего, кроме учебы вообще и физиологии растений в частности. Еще три года назад он попросил купить ему на день рождения настоящий электронный микроскоп, за которым и проводил все свободное время. Физкультура была для него неизбежным злом. И естественно, что его образ сублимированного интеллигентного хлюпика дополняли очки.

Именно в лицей сейчас добиралась сквозь автомобильную пробку Лелька, уже в сотый раз безуспешно набирая телефонный номер сына.

– Ну возьми же ты трубку! – в отчаянии твердила она сквозь равнодушные гудки, ввинчивающиеся в черепную коробку.

Постепенно пробка все-таки двигалась и при съезде с моста, на середине которого оказалась авария, редела. Минут через пятнадцать Лелька уже парковалась у лицея. Под знаком, запрещающим парковку, разумеется.

Она уже вылезала из машины, когда телефон зазвонил веселенькой мелодией из мультфильма про Простоквашино. Эта музыка у нее была настроена на звонки Максима.

– Сыночек, ты где? С тобой все в порядке? – закричала она в трубку.

– Мам, а с тобой? У меня сорок восемь неприятых вызовов. Ты чего? Случилось что-нибудь?

– Так почему ты трубку не берешь, охламон?!

– Да физкультура у меня, мам. Мы ж телефоны в раздевалке в сейфе оставляем в специальном. Ты что? Я ж тебе говорил. Ты звонила-то зачем?

– Узнать, все ли в порядке, – призналась Лелька.

– Ну, ты даешь, мам, – искренне поразился сын. – У меня все в порядке. И это, спасибо, что ОМОН не вызвала.

Была в их семейной биографии такая история. Второклассник Максим, вернувшись из школы, ушел в гости к соседу на восьмой этаж. Мобильников тогда в природе еще не было. То есть были, но не в Лелькиной семье, не достигшей на тот момент нужного уровня благосостояния. Поэтому, вернувшись с работы и не обнаружив сына, она сначала обегала два близлежащих квартала, а потом позвонила участковому. Он успел добраться до их квартиры как раз в тот момент, когда проголодавшийся Максим спустился с восьмого этажа на их второй и никак не мог взять в толк, из-за чего весь сыр-бор.

С тех пор, став постарше и обзаведясь мобильником, он иногда присылал матери эсэмэски следующего содержания: «Телефон садится. Если что, ОМОН не вызывай». Лелька весело смеялась над шуткой, в душе признавая, что она совершенно ненормальная мать, легко впадающая в панику.

– Мам, а ты где? – невинно осведомился сын в трубке. Что ни говори, а свою мать и то, на что она способна, он знал очень хорошо. – У лица, да?

– У лица, – смущенно призналась Лелька. Каждый раз, когда сын ловил ее на панических настроениях, ей становилось немножко стыдно за свое сумасшествие.

– Вот и прекрасно, – неожиданно ответил Максим, вместо того чтобы начать по обыкновению над ней издеваться. – Мам, сходи к Гоголю, а. Я все забываю тебе сказать, что надо согласие написать на мое участие во всероссийской олимпиаде. Мы в конце января в Казань уезжаем. Зайдешь?

Гоголем ученики лица называли директора. Во-первых, потому что фамилия была подходящая, а во-вторых, потому, что он даже внешне был похож на классика русской литературы – острый нос, жидкие, прилизанные на прямой пробор волосы, закрывающие уши и спускающиеся на плечи, удлиненный пиджак, а в холодное время года еще и длинное кашемировое пальто.

Лелька Гоголина не любила. Его облик, манера поведения, тембр голоса казались ей нарочитыми и искусственными, что ли. Она признавала его несомненный талант организатора и успешный опыт педагога, уважала за негибаемость и стойкость в проведении политики, которую он считал правильной, периодически обсуждала успехи сына и советовалась о его будущем, но вот любить не любила. Было в директоре что-то неправильное и даже отталкивающее.

– Зайду, – вздохнула она. – Получается, не зря приехала. Что ж ты мне дома-то ничего про олимпиаду не сказал, а, обалдуй?

– Да долго ж еще до нее. А сегодня Гоголь пристал, как репей, чтобы все согласие несли. Ну, то есть не все, а только те, кому восемнадцать не стукнуло. Гостиницу же заказывать надо и билеты на поезд.

- На конец января, уже? - усомнилась Лелька.

- Да не знаю я. Вот пойдешь к Гоголю и спроси, - распорядился сын. - Все, мам. У меня перемена заканчивается. А я так в спортивных трусах и стою, с тобой разговариваю.

- Ладно, иди, переодевай свои трусы, - вздохнула Лелька. - Ты из школы во сколько сегодня придешь?

- Часов в пять, у меня коллоквиум по биологии.

- Хорошо, только сразу домой. Я постараюсь пораньше приехать, мне с тобой поговорить надо.

- О чем? - моментально встревожился сын.

- Да ни о чем, о жизни. Мне тут тетя Инна страшилок всяких нарасказывала. Хочу с тобой обсудить.

- Узнаю брата Сеню. - Максим любил при случае щегольнуть подходящей цитатой из Ильфа и Петрова, имена которых большинству его сверстников были просто незнакомы. - Ой, мам. Ну, когда же ты поумнеешь-то у меня?

- Мой преклонный возраст не позволяет на это надеяться, - отшутилась Лелька. - Все, сыночек, беги, вечером поговорим.

Заперев машину, она пошла в сторону лицея. Гоголя она нашла в его кабинете.

- Добрый день, Любовь Павловна. - Приветствуя ее, директор по-птичьему склонил голову набок. Глаза за стеклами очков в тонкой круглой золотой оправе, похожих на старомодное пенсне, чуть поблескивали.

- Здравствуйте, Александр Васильевич. Заехала документы подписать, - холодно сказала Лелька. Этот человек был ей удивительно неприятен.

- Конечно-конечно. - Он закивал головой и почему-то потерял свои маленькие ручки с обкусанными, как заметила Лелька, ногтями. - Приезжать, чтобы

поинтересоваться успеваемостью сына, вам ни к чему. Очень у вас серьезный молодой человек растет, очень. Самостоятельный. Умница редкая. Таким сыном любая мать может гордиться.

– Ну, я все же не любая, – сухо ответила Лелька. – Давайте документы, Александр Васильевич, мне, право слово, некогда.

Минут через десять она уже была свободна и, выкинув Гоголина из головы, поехала в сторону работы, собираясь по дороге заскочить куда-нибудь перекусить.

«Вот чего я переполошилась, как курица? – размышляла она. – Сколько раз убеждала себя не впадать в панику, пока ничего не случилось. Но легче сказать, чем сделать. Да, я боюсь за своего сына, что в этом странного? Он у меня один. И кроме него, у меня в жизни никого нет. Поэтому то, что я беспокоюсь, совершенно естественно. Может, правда завести ему собаку? Взять того пса из приюта, о котором Лена утром говорила. Он уже взрослый, готовый защитник, из щенков воспитывать не надо. Благодарен, наверное, будет за то, что мы его забрали. Да и вообще. Плюс «сто пятьсот» к карме, однозначно. Надо будет вечером с Максом обсудить».

Естественно, сын ее неожиданную идею принял на «ура».

– У меня будет собака! – орал он, возбужденно бегая по кухне. – Лабрадор. Взрослый. Настоящая собака! Мама, это же здорово! Спасибо. Ты отлично придумала. Конечно, его надо спасать. Он же пропадет без нас, да, мама? А у нас ему будет хорошо. Я буду с ним гулять. Ты не думай. И утром, и вечером. И кормить буду. И мыть. Я все-все буду делать.

– Свежо предание, – ворчала Лелька. Ей было немного страшно от собственного предложения. Собака, тем более большая, внесет в их размеренную жизнь элемент хаоса, а хаос Лелька перестала любить еще в бурной молодости. – Может, не стоит все-таки? – робко поинтересовалась она, понимая, что Максима уже не остановить. – Тем более ты летом в Москву уедешь, в университет, а я что, с псиной останусь?

– Ты что, мам! – возмущенно откликнулся ее почти взрослый, но ужасно трогательный сын. – Он же погибнет в приюте! Мы обязательно должны его

забрать. Давай завтра прямо с утра, ладно? А университет – он еще когда будет...

– Завтра прямо с утра ты идешь в школу, а я на работу, – напомнила Лелька. – Я найду телефон этого приюта, переговорю с ними. Может, его забрали уже. Узнаю, здоров ли он. Ветеринара найду какого-нибудь, чтобы собаку проверил. Зачем нам лишние проблемы? Да и купить ему надо что-нибудь, миски там, подстилки, корм, в конце концов. Так что завтра день на приготовления, и если все сложится, то в пятницу заберем.

– Сложится. – Не в силах сдержать эмоции, Макс снова заскакал по кухне, уронив в переизбытке чувств стул. – Я вот просто сердцем чувствую, что сбудется. Ура-а-а-а, у меня будет собака-а-а-а-а!

Если вы хотите воспитать в ребенке чувство ответственности, самый простой способ – завести собаку. Нет, простым способ выглядит только в теории. На практике собака – это когда тебя будят в пять утра, потому что твой пес уже выспался и радостно бьет хвостом по батарее, сообщая, что пришла пора играть (а еще гулять, писать, какать и кушать), причем сообщая не только тебе, но и той части соседей, которой повезло делить с тобой общий стояк.

Собака – это съеденные туфли, самые любимые или только что купленные, на выбор. Это комья шерсти во всех дальних и не только дальних углах квартиры. Это шерстяной «начес» на любой одежде, появляющийся через минуту после того, как вы эту самую одежду отпарили и отчистили.

Это следы грязных лап на только что вымытом ламинате. Библиотека, зачитанная до дыр от собачьих зубов. Невозможность уехать в отпуск всей семьей. Мокрый нос, утыкающийся в самые неожиданные участки тела, когда ты этого совсем не ждешь.

Собака – это искренняя, незамутненная радость от того, что ты пришла домой. Это готовность защитить тебя от любого врага. Это абсолютная доверчивость, написанная на морде, которая укладывается у тебя на коленях, чтобы ты ее погладила. Это подставленное беззащитное розовое пузо, которое тоже нужно почесать, вызывая урчание, которое означает крайнюю степень удовольствия.

Если вы хотите познать абсолютное счастье, то забудьте про чувство ответственности, которое вы хотели воспитать в ребенке, покупая собаку. Заведите ее для себя, и это будет единственное на свете существо, которое никогда вас не предаст и не обманет.

Глава 3

Приют последней надежды

Глаза собаки удивительно человечесны. Люблю их, умны они и добры, но люди делают их злыми.

Фаина Раневская

В субботу утром ее разбудил непонятный звук. Странное цоканье сначала раздавалось на лестнице, ведущей на второй этаж, потом в коридоре, а потом уже совсем рядом, в спальне. Теперь оно сопровождалось пыхтением и сопением, и Лелька напрягла не включившийся еще спросонья мозг, чтобы сообразить, не остался ли ночевать в их квартире кто-то из знакомых с маленькими детьми. Маленькие дети, могущие пыхтеть и сопеть, перевелись у ее друзей лет восемь назад, но мало ли?..

Ничего подходящего на ум не приходило, и в тот момент, когда Лелька уже была готова списать странные звуки на высадку десанта инопланетян и, зарывшись поуютнее в подушки, заснуть снова, что-то запыхтело уже совсем над ее ухом, и влажный шершавый язык прошелся по ее щеке и мочке уха. Она рывком села в постели.

Рядом с кроватью сидел громадный пес, который умильно смотрел на нее, слегка наклонив голову. Язык розовой лопатой вываливался из пасти, в печальных глазах отражалась надежда и чуть-чуть тревога, мощные лапы разъезжались по скользкому ламинату.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», – вспомнила она эпиграф к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

– Может, тебя Цербером назвать? – спросила Лелька у собаки, которая, впрочем, ничуть не была похожа на чудище. Голова у нее была одна, и слюна из пасти не капала.

Пес, услышав обращенную к нему речь, немедленно заскакал, стуча хвостом по краю кровати и создавая ужасный шум.

– Ну ты и теленок, – мрачно заметила Лелька. – Взяли тебя, такого огромного, на свою голову. Намучаемся теперь.

По коридору прошлепали босые пятки, и в спальню заглянул сын.

– Ты чего в такую рань встала? – удивился он. – Суббота же.

– А сколько времени? – Лелька перевела взгляд на стоящий на тумбочке будильник. – Полседьмого? – в ужасе возопила она. – Нет, где были мои мозги, когда я согласилась на эту аферу с собакой! Быть разбуженной в субботу ни свет ни заря какой-то псиной без роду и племени! Ну, где справедливость?

– Я сейчас его выведу погулять, – дипломатично сказал Максим, аккуратно отодвигая собаку от бушующей матери. – Потом покормлю, а ты спи, мам.

Улыбнувшись, она откинулась на подушки, прислушиваясь, как сын одевается в своей комнате, потом вместе с собакой сбегает вниз по лестнице и возится в прихожей. Хлопнула входная дверь. Все, ушли.

– Да-а-а, если для того, чтобы выгнать Макса на улицу, нужно было завести эту псину, оно того стоило, – пробормотала Лелька, вспоминая хлопоты вчерашнего дня.

С утра она нашла телефон приюта «Последняя надежда» и созвонилась с девушкой Яной, которая сообщила, что найденный на улице белый лабрадор до сих пор у них.

– Он абсолютно здоров, – деловито журчала она в трубку. – В блохах, правда. Мы один раз обработали при поступлении, но все равно. Их у него ужас сколько было. И кашляет он немного. Мы ему антибиотики даем. Но это за пару дней

пройдет. У нас просто помещения не отапливаются, а на улице мороз.

- Как не отапливаются? - не поняла Лелька. - А как же вы собак держите?

- Да так и держим, - зло усмехнулась Яна. - Восемьдесят три собаки и сто сорок кошек. Мы в заброшенной ферме располагаемся на окраине города. Хорошо хоть окна вставлены. А так, да. Отопления нет. Полы бетонные. Действительно холодно.

- Мы можем сегодня забрать собаку? - спросила Лелька, у которой от описанной картины мороз прошел по коже.

- Можете, - равнодушно ответила Яна. - Приезжайте с поводком и паспортом, ошейник у него есть.

- Каким паспортом? - растерялась Лелька.

- Вашим паспортом. Мы договор составляем на передачу животного. Вдруг прежний хозяин найдется, тогда вы будете обязаны его вернуть. Да и вообще, надо подписаться под обязательствами содержать собаку в хороших условиях и не издеваться над ней. Перед тем как будете выезжать, позвоните, я вам скажу точный адрес. Мы его заранее никому не говорим. Боимся. Нас уже дважды поджигали.

- Я не буду поджигать, - пробормотала Лелька и сбросила вызов.

В раздумье постучав по зубам ручкой, она набрала номер подруги Натальи Удальцовой. У той уже много лет счастливо жил коккер-спаниель Сеня, любимец и отрада всей семьи, поэтому Лелька считала подругу опытным собакопользователем.

- Натусь, подскажи ветеринара какого-нибудь хорошего, - попросила она, поздоровавшись и рассказав про бездомного лабрадора, которого они с Максом собрались спасти.

- Цыплаков, - убежденно ответила подруга. - Владимир Владимирович Цыплаков. Это самый лучший ветврач в городе. У него знаешь какая клиника! И

рентген, и УЗИ, и томограф, и все анализы, и любые операции...

- Притормози, подруга, - попросила Лелька. - Какие операции? Нам блох вывести надо. Ну и советы получить, чем кормить да на чем спать.

Получив вождеденный телефон ветеринара, Лелька развернула кипучую деятельность: записалась на прием, заскочила в зоомагазин, где купила длинный поводок, миски, собачий шампунь и специальную подстилку из водоотталкивающей ткани. Очень симпатичную, зеленую в красную клеточку. Подстилка, правда, отчаянно шуршала, но продавщица - молоденькая девчонка с двумя забавными хвостиками на голове - заверила, что она самая лучшая и о-о-чень подходящая именно для лабрадоров.

- У них наследственность такая, что коленки и локти лысеют, - смешно тараша глаза, тараштела девчушка. - Поэтому им на очень мягком и на очень твердом спать нельзя. А вот на такой подстилке - в самый раз.

- Еще и с локтями у них не слава богу! - бурчала Лелька, упихивая подстилку в нутро машины. - Не было бабе забот, купила баба порося.

Встретив Максима у школы, она предупредила приютскую Яну, и они поехали забирать своего нечаянного питомца.

Приют поражал воображение. Как любила говорить Инесса Перцева, нервных просим удалиться. Какофония звуков, царящая здесь, намертво отключала разум, сводя на нет всякую способность соображать. А запах! Он сбивал с ног. Сводил с ума. Отключал дыхание. Лелька даже представить не могла, что в таком запахе можно провести хотя бы десять минут. О том, что здесь можно работать, было страшно подумать.

Впрочем, все формальности были быстро улажены, и, подписав договор, они загрузили собаку в машину. Пес вел себя паинькой. Сидел на резиновом коврикe, не выказывая ни малейшего желанья залезть на сиденье. С интересом смотрел в окно, периодически поворачиваясь к держащему его Максиму, чтобы облизать тому лицо.

Глядя в зеркало заднего вида на это вопиющее нарушение гигиенического режима, Лелька мрачно молчала. Внезапно она вспомнила, как однажды, когда

дети были еще совсем маленькими, она, гуляя с Максимом в парке, встретила Инну. Та тоже была с дочкой и с мамой в придачу. Завязался разговор, и, воспользовавшись тем, что взрослые отвлеклись, дети начали наперегонки собирать всякий мусор, разбросанный вдоль дорожек. На глазах у шокированной бабушки Инкина дочка Настя подобрала с земли окурочек и быстро засунула его в рот.

Лелька с Инной много лет не могли без смеха вспоминать, как бабушка дрожащими руками выковыривала окурочек из плотно сжатого внучкиного ротика, приговаривая при этом, видать, для самоуспокоения:

– Ну ничего-ничего. Цыганские дети и не такое едят... Это бытовая иммунизация. Бытовая иммунизация.

Вот и сейчас эта самая «бытовая иммунизация» вдруг вспомнилась Лельке, наблюдающей, как бездомный пес, в котором, как она подозревала, помимо блох гнездились еще и глисты, облизывает Максима.

Спустя два часа таблетки от глистов были скормлены, анализы сданы, рентген лап сделан, и всемогущий Владимир Владимирович Цыплаков заверил Лельку, что животное абсолютно здорово.

– После прогулки вымоете его, как высохнет, вот эти капли на холку нанесете, иди, парень, покажу, куда именно. И все. Через неделю жду вас на прививку.

– А сейчас нельзя? – с надеждой спросила Лелька, которой не хотелось тратить время на еще один поход в клинику.

– Нельзя. Сейчас мы глистогонное вашей собаке дали. Организм глистами ослаблен, от прививки животное и помереть может. Так что через неделю, не раньше. И ошейник ему новый купите. Он у вас кашляет от того, что этот слишком узкий и ему горло сдавливает. Вот, возьмите этот. Он подойдет.

И еще. Позвольте дать вам совет. Вы никогда не держали собак. А лабрадор – все-таки крупная порода. И охотничья. Вам будет довольно трудно с ним справиться. Если финансы позволяют. – Он оглядел мать и сына с ног до головы, отметив Лелькину норковую курточку и кожаный рюкзак Максима известной испанской марки Пиквадро. – Так вот, если финансы позволяют, пригласите

кинолога. Вам понадобится максимум десять занятий, чтобы пес стал более послушным и начал выполнять нужные команды.

- Кинолога? А где его берут? - удивилась Лелька. Цыплаков вздохнул.

- Запишите телефон. Парня зовут Дмитрий, и он - лучший специалист по собакам в этом городе. Когда позвоните, скажете, что от меня. Правда, берет он прилично. Одно занятие - тысяча рублей. Но оно того стоит, поверьте.

По дороге домой Лелька прикинула, что доставшийся им бесплатно, то есть даром, лабрадор уже обошелся в десять тысяч рублей. Именно столько стоили все купленные ему прибамбасы, присоветованный доктором корм и медицинские услуги.

«Однако, - подумала она. - Дорогое это удовольствие - заделаться собаководом».

После купания утомленный и взбудораженный всеми процедурами пес, попав в новую для него квартиру, настороженно обошел ее по всему периметру, вернулся на первый этаж, благосклонно принял положенный в миску корм, после чего, заметив клетчатую подстилку, радостно взвизгнул и улегся на нее, шурша лапами.

- Ну надо же! - восхитилась Лелька. - Какая скотина умная, понял, что это для него!

- Ма-ам, - укоризненно сказал Максим, - не называй его скотиной. Он хороший.

- А как мы, кстати, будем его называть, - поинтересовалась Лелька. - Мы же не знаем, как его звали.

- Как звали, не знаем. А мы будем звать Цезарем, - не терпящим возражений тоном заявил Максим. Лелька с изумлением уставилась на него:

- Почему Цезарем?

– Потому что император. Потому что самый умный и всемогущий. И несколько дел мог делать одновременно. И салат – самый вкусный, когда с курицей, правда? Я с креветками, как ты, не люблю, – не совсем понятно объяснил Максим, и Лелька махнула рукой:

– Цезарь так Цезарь.

На ночь псина перебралась с шуршащей подстилки к Максиму под кровать и вот теперь увела его ни свет ни заря гулять.

Вспомнив шелковистую шерсть, которая после купания оказалась очень приятной на ощупь, и умную морду с печальными глазами, в которых, казалось, отражалась вся скорбь мира, Лелька вдруг умиротворенно улыбнулась. Идея завести собаку больше не казалась ей глупой и на аферу не походила ни капельки.

Глава 4

Видовой классификатор мужчин

Если быть как все, то зачем тогда быть?

Хань Сян-цзы

Далеко не каждая умная, симпатичная, обеспеченная и самостоятельная женщина имеет рядом мужчину, которого заслуживает. Почему-то попадаются либо слабаки, готовые сесть на шею, либо альфа-самцы, пытающиеся сломать ее и подавить, подчинить себе. По крайней мере, до тридцати семи лет Любови Молодцовой другие разновидности не встречались.

Обладая достаточно легким характером, она никогда не делала из своих романов, встреч, расставаний и даже развода трагедии, искренне полагая, что есть мужчина – хорошо, а нет – еще лучше, тем более что свято место пусто не бывает.

Перестав ощущать новизну в отношениях между мужчиной и женщиной годам к шестнадцати, Лелька не относилась ни к любви, ни уж тем более к сексу как к чему-то серьезному, требующему траты нервов и эмоций.

Как однажды заметила подруга Алиса, ей был присущ типично мужской вариант поведения: если встреченный мужчина был ей привлекателен физически, она без лишнего флирта и кокетства быстро сводила знакомство к постели. Там новый знакомец оставался ровно до той минуты, пока она испытывала к нему интерес или влечение. Едва то или иное пропадало, любовник тут же изгонялся куда-нибудь на периферию жизни.

Правда, все они были, как знаменитый Хоботов из «Покровских ворот», отставлены, но не совсем отпущены. Лелька могла возникнуть из небытия спустя пару лет после окончания страстного, но мимолетного романа, чтобы попросить приколотить новый плинтус, привезти на дачу шифер или свозить в лес за грибами. Никакого смущения она при этом не испытывала. И очень бы удивилась, если бы кто-нибудь спросил, не неловко ли ей.

Мужчины существовали для того, чтобы доставлять удовольствие или помогать в трудных жизненных ситуациях. Если же мужчина такие ситуации внезапно начинал создавать, то на завтра приходил в сознание уже в другой реальности, где не было и не могло быть Любочки Молодцовой. Неунывающей, неутомимой, неукротимой Лельки.

Мужчин она не то чтобы не уважала. Но не принимала всерьез. Проницательная Алиса, потерявшая счет подружкиным любовникам и переставшая пытаться запомнить их по именам, как-то заметила, что психологическая причина такого потребительского и несерьезного отношения к мужскому полу заключается в том, что Лелька выросла без отца.

Ее мама, тишайшая и скромнейшая тетя Надя, приехала в город из деревенской глубинки. Круглая отличница хотела быть учительницей. Она мечтала о том, чтобы, получив диплом, вернуться в родную деревню, учить детей, создать семью и провести жизнь, как положено в русских семьях.

Но вскоре неискушенная девочка была смятена и раздавлена свалившейся на нее любовью. Высокий, статный, белокурый и сероглазый аспирант с кафедры русской литературы проникновенно смотрел ей в глаза, наматывал на руку

толстую, спускающуюся до подколенных впадинок шелковистую косу, шептал в нежное розовое ушко какие-то глупости, от чего оно начинало полыхать алым, клялся в вечной любви и, конечно же, читал стихи. Куда же без стихов! Много лет спустя Надя не могла без дрожи слышать строчки из любимого им Мандельштама.

Приехав домой на первые в ее жизни летние каникулы, она узнала, что беременна. Надя, может, еще долго бы не поняла, что ждет ребенка, но суровая бабка, несколько дней подозрительно косившаяся на хрупкую как тростинка внучку, пошла с ней в баню, осмотрела раздетую догола со всех сторон и, выйдя с темным, как туча, лицом, открыла страшную правду своей дочери – Надиной матери.

Скандал был страшный. Наутро Надя была отправлена обратно в город с наказом без штампа в паспорте, который бы мог прикрыть позор, на порог отчего дома не являться.

Жаркий июль плавил на асфальте остатки тополиного пуха. В общежитии было не протолкнуться от абитуриентов. Неумолкающий гвалт не давал спать по ночам. По утрам невыспавшуюся Надю сильно мутило. Она была растеряна и раздавлена свалившимся на нее известием и мучительно переживала предстоящий разговор с любимым, по счастью откладывающийся на неопределенный срок. Ее аспирант был в отпуске.

В том, что они поженятся, Надя даже не сомневалась. Ее смущало только, что любимый будет вынужден действовать по принуждению. И боялась, что это не принесет ей в будущем счастья. Однако жестокая действительность оказалась страшнее любых самых пессимистичных ожиданий.

Аспирант появился в городе лишь в середине августа. К тому моменту Надя уже успела встать на учет в женской консультации, где до слез смущалась своего незамужнего статуса, и сдать все анализы. Срок был уже вполне себе приличный – двадцать недель. И заметить их теперь мог любой, даже совсем не придирчивый взгляд.

Стоит ли удивляться, что подкарауленный на кафедре аспирант, увидев возлюбленную, изменился в лице.

– Ты с ума сошла? – зашипел он, схватив ее за руку и фактически вытолкнув из кабинета. – Ты зачем в таком виде сюда приходишь? Хочешь, чтобы по институту сплетни поползли?

– А какая разница? – простодушно спросила Надя. – Какая разница, сейчас все узнают или после начала учебного года?

– О чем узнают, дура? – От волнения у любимого пропал голос, и он с трудом выговаривал слова. Из горла вырывался злой клекот.

– Павлик, я понимаю, что виновата, что так получилось, – жалобно ответила Надя. – Но и ты виноват тоже. Нам обоим нужно было думать. А вот ребеночек как раз не виноват. Он сразу после Нового года родиться должен. Или она. Мне так все равно. А ты кого хочешь – сына или дочку?

– А почему я должен кого-то хотеть? – с нехорошим прищуром уставился на нее аспирант. – Я ни к какому ребенку отношения иметь не собираюсь. Это твоя проблема, ты ее и решай.

– Как же я ее решу, одна? – спросила Надя, все еще не понимая масштаба свалившейся на нее беды. – Меня родители из дома выгнали.

– Ты что, деньги с меня трясти собираешься? Так я тебе ни копейки не дам.

– Какие деньги, Павлик, ты что? – В огромных Надиных глазах вспыхнула обида. – Ты не думай, мы в денежном плане выкрутимся. Когда поженимся, мне и родители помогут. Они небогатые у меня, но картошку-капусту пришлют. Да и на время академки я могу с ребенком домой уехать. Там свежий воздух, молоко. А ты тут будешь себе спокойно свою диссертацию писать. Мы с малышом тебе обузой не станем.

– Все решила, значит? – Аспирант оскалился уже совсем по-волчьи. – Так я твои планы на жизнь замечательные реализовывать не собираюсь. У меня свои планы есть. У меня наука, карьера. Зачем мне сейчас ребенок? В деревню она уедет! Ты что, не понимаешь, что хоть с ребенком, хоть без, а ты мне – обуза на всю жизнь?!

– Понимаю. – Надя склонила голову, пряча подступившие слезы. – Но это не только обуза, но и радость великая. И никакой карьере ребенок помешать не может, я в этом уверена.

– Уверена – рожай, – зло бросил Павел. – Только меня в это не впутывай. Господи! – Он схватил себя за волосы и несколько раз с такой силой дернул их, что покраснела кожа на голове. – Ну почему ты не сделала аборт, когда срок позволял? Сейчас-то поздно уже...

– Что? Какой аборт?! – ужаснулась Надя. – Это ж грех какой, ребеночка убить! Да и зачем? Мы молодые, здоровые. Ты работаешь, я в деревню уеду. Справимся, воспитаем. Не война же...

– Справляйся и воспитывай. – Павел как-то разом устал. – Еще раз повторюсь, что к твоему ребенку и его судьбе никакого отношения не имею. Ты вообще-то уверена, что он мой?

Надя отшатнулась от него, как будто ее ударили. Она даже руку приложила к щеке, сотрясаясь всем телом от причудлившейся ей увесистой пощечины.

– Как ты можешь, Паша? – Слезы уже текли часто-часто, прокладывая дорожки по ее прозрачным, словно фарфоровым щекам. – У меня же никогда, кроме тебя, никого не было! Ты – единственный мой.

– Все. – Он отлип от стены, к которой привалился спиной. – Разговор окончен. Ты, когда решение принимала ребенка оставлять, со мной не советовалась, а потому расхлебывай кашу, которую заварила, сама. Родители тебя простят, в беде не бросят. Будешь жалобы на меня писать, сразу предупреждаю, пожалеешь. Даже если меня по комсомольской линии и заставят силой на тебе жениться, то ты проклянешь тот день, когда ноги подо мной раздвинула. Насильно мил не будешь, говорят, да и я – не тот человек, который стерпит насилие над собой. Поняла?

Надя молчала, глотая слезы. Он грубо тряхнул ее за плечи, так что голова ее, как у тряпичной куклы, которыми она играла в детстве, безвольно мотнулась назад и даже зубы клацнули.

– Поняла?! – снова спросил он с угрозой.

Открылась дверь, и из помещения кафедры вышла декан Светлана Авилова – гроза факультета, которую боялись до одури и обожали до идолопоклонства все, от студентов до преподавателей. Павел тут же отпустил Надины плечи и отшатнулся.

– Все в порядке? – Авилова внимательно посмотрела на залитое слезами личико Наденьки, не упустив и ее заметный уже живот.

– Да. – Надя независимо вскинула голову и, повернувшись спиной к своему мучителю и нечаянной защитнице, пошла по длинному коридору. Осколки разбитой вдребезги мечты о счастье хрустели у нее под ногами. Или это было разбитое ветром оконное стекло? Она не знала. Так же, как не знала, что ей делать дальше.

Впрочем, несмотря на внешнюю хрупкость, фарфоровость даже, отличающую ее от большинства сельских, кровь с молоком, девушек, характером Надежда обладала решительным. Проплакав несколько часов и потом проведя ночь без сна, глядя в потолок, пустой, как будущая жизнь, утром она встала с кровати с готовым планом действий. Нет непростых ситуаций, бывают трудные решения. Так, конечно, Надежда свою жизненную философию не формулировала. Но зато в соответствии с этим правилом она поступила.

Собственно, проблем было две – где и на что жить с ребенком. И эти, казалось бы, нерешаемые проблемы решились очень просто. В первом домоуправлении, в которое обратилась Надежда, место дворника было занято, во втором – вакантно, но там ей отказали, глядя на ее субтильную фигурку с выступающим животом, а вот в третьем – согласились принять на работу и предоставить служебное жилье – комнату в деревянном бараке с печкой и выгребной ямой в конце общего коридора.

Выросшей в деревне Наде к таким условиям было не привыкать, поэтому назавтра же она, забрав документы из института и вещи из общежития, переехала в свое новое жилье. Оклеила комнату самыми дешевыми обоями местной фабрики, которые одуряюще пахли, но веселили глаз голубыми цветочками, и на третий день вышла мести двор.

– В декрет пойдешь? – спросил у нее унылый начальник домоуправления. – Если пойдешь, из комнаты выселю, так и знай.

– Не пойду, – пообещала Надя. – Ребенок на улице в коляске спать будет, пока я работаю. Я обещаю, что вас не подведу, помогите мне, мне идти некуда.

– Да никто в очередь и не стоит на это место и это жилье, – поморщился он. – Работай на здоровье.

– Все у меня еще будет, – сказала себе Надя, вернувшись в первый вечер с работы и рухнув на колченогую кровать с продавленными пружинами. – И образование, и любимая работа, и любовь.

Дочку, родившуюся в рождественскую ночь с шестого на седьмое января, она назвала Любой. Надежда и Любовь. Теперь их было двое.

Конечно, она сильно уставала. И в первые дни, с непривычки. И на поздних сроках беременности, и после бессонных ночей, хотя родившаяся дочка была спокойной и особых хлопот не доставляла, и позже, когда начались проблемы с сердцем. Но, сжав зубы, много лет каждое утро выходила она на свою работу, чтобы сберечь право на единственное жилье, которое могло быть им пристанищем.

Когда Лельке исполнилось девять месяцев, Надя взяла приработок – устроилась дворничихой в детский сад, чтобы в него взяли дочку. Когда девочка стала постарше, то выходила помогать матери, не страшась ни дождя, ни снега. А с годами все чаще начала убирать двор и вместо нее. Надя тогда уже ослабела настолько, что не всегда могла встать с постели.

Загаданное когда-то сбылось не полностью. Учительский диплом и мечта встать у школьной доски так и не воплотились в жизнь. Зато Любовь у нее была – яркая, непоседливая, упрямая и надежная.

Мужчины для Надежды не существовали. Встреченный по несчастью красавчик-блондин, подаривший ей дочь, так и остался единственным в ее жизни.

Конечно, с родителями она все-таки помирилась. Лельке было полтора года, когда к ним в гости приехал дед, который оглядел их убогую комнату, шагнул к сосредоточенно играющей на полу у печки Лельке и подхватил ее на руки. С тех пор лето она всегда проводила в деревне. Оттуда же их небогатое домашнее

хозяйство пополнялось выращенным на огороде урожаем, собранными в лесу грибами и ягодами, а также новыми носками, шарфами и свитерами, которые вязала бабушка. Платица для дочки Надя шила сама, и их скромного семейного бюджета вполне хватало на жизнь. Надя искренне так считала до самой своей смерти, а Лелька – до тех пор, пока сволочь-директриса не открыла ей глаза на социальную пропасть между богатыми и бедными.

Лелька так и не призналась матери, что в шестом классе тайком сбегала посмотреть на отца. Историю дочкиного появления на свет Надя не скрывала. Она была убеждена, что любить не стыдно, так же, как и верить тому, кого любишь. Имени своего бывшего возлюбленного она, конечно, не называла, но Лелька росла девочкой сообразительной, поэтому найти на кафедре русской литературы высокого тридцатисемилетнего блондина, пусть даже и начинающего сесть, было для нее плевым делом.

Идя в институт, Лелька не представляла, что будет делать. Четкого плана у нее не было. Подойти и представиться? А если он давно уже и думать забыл про какую-то Надю, которая двенадцать лет назад ждала от него ребенка? А если не поверит, что Лелька и есть тот самый ребенок? А если выгонит вон? А если, наоборот, обрадуется?

Ответов на все эти вопросы у нее не было, но рассудив, что «война план покажет», Лелька отправилась в институт и, усевшись на подоконнике неподалеку от входа в помещение кафедры, начала терпеливо ждать. За полтора часа у нее несколько раз спрашивали, что она тут делает, Лелька отвечала, что ждет сестру, и ее оставляли в покое.

Искомый блондин появился спустя сорок минут. Несмотря на солидно отвисшее пуздо, Лелька с первого взгляда поняла, что это он. Она была как две капли воды похожа на своего биологического отца – высокая, статная в отличие от статуэточной матери, светловолосая, с прохладными серыми глазами.

У толпившихся неподалеку студентов Лелька выяснила, что зовут его Павел Леонидович Широков. А спустя еще несколько дней, держась на почтительном расстоянии, проводила его до дома после занятий, чтобы выяснить, где он живет. В ближайшие выходные она закончила свое расследование, с утра пораньше заняв наблюдательный пост на качелях во дворе Широкова. Он вышел из дома в начале одиннадцатого в сопровождении некрасивой блондинки с недовольным лицом и мальчика лет шести. Так Лелька узнала, что у нее есть

брат.

Еще несколько раз она выслеживала отца и его семью. Наблюдательная не по годам, Лелька быстро поняла, что счастья в этом браке нет. Что Широков остался тем же самовлюбленным, думающим только о себе эгоистом, которым был, когда бросил в беде ее маму. Что его раздражает его жена с вечно недовольным выражением лица, а она живет с ним только ради сына, ну, и еще ради статуса замужней женщины, наверное.

Примерно через месяц следить за Широковым ей надоело. Подходить к нему она так и не стала, не потому, что не решилась – Лелька с юных лет была очень решительной, а потому, что не сочла нужным.

Этот человек был лишним в ее жизни и в жизни мамы тоже. А просто знакомиться и вести светские разговоры – это скучно. Как говорила мама Алисы, «пустое колыханье струй».

Лельке хотелось знать, как выглядит ее отец и как его зовут. Теперь она это знала. И выкинула его из головы. Маме она даже говорить ничего не стала, чтобы не расстраивать. Зачем, когда и так все понятно.

Их вросший в землю барак снесли, когда Лелька училась в восьмом классе. И как переселенцам из ветхого жилья выделили маленькую однокомнатную квартирку – давно не отремонтированную хрущевку, но свою, с отдельной кухней, ванной и туалетом. Подоспевшая приватизация, которую мама оформила одна из первых, позволила Лельке, оставшись одной, не мести двор, чтобы сохранить жилье.

В эту квартирку, отмытую до блеска и обклеенную свежими обоями, она и принесла из роддома своего сына Максима. Когда мама умерла, Лелька быстро выскочила замуж. Ей было просто невозможно оставаться одной в опустевшей квартире, в которой после смерти Надежды все казалось чужим и холодным.

Кроме сына и новой фамилии – была Сибирцева, стала Молодцова – брак ничего Лельке не дал. Впрочем, она считала, что этого более чем достаточно, и над крушением семейной жизни не плакала. Муж съехал из ее квартиры и из ее жизни, когда Максиму было полтора года, и с тех пор она решала все свои проблемы сама, заводила романы, меняла любовников, ни к кому не прикипая сердцем, никого не пуская далеко в душу, предпочитая брать, как можно

меньше давая взамен. Так продолжалось довольно долго. А потом Лелька влюбилась.

Сначала все было вполне себе безобидно. За Алисой Стрельцовой стал ухаживать солидный, представительный, очень богатый мужчина, но подруга никакого интереса к нему не проявляла и его обществом явно тяготилась. Так уж вышло, что после совместной поездки в загородный дом олигарха он переметнулся от Алисы к ней, Лельке.

Любовником он был умелым и изобретательным, дарил роскошные подарки, одной левой решал бытовые проблемы, с которыми Лелька привыкла справляться самостоятельно. В общем, был мечта, а не мужик, и она даже не заметила, как привязалась к нему по-настоящему. Впервые за долгие годы она думала не о расширении бизнеса и связанным с этим потенциальным ростом доходов, не о будущем сына, не о приобретении новой машины или квартиры, а о создании семьи, рождении второго ребенка (здорово, если бы это была девочка), о том, как хорошо просыпаться по утрам на родном надежном плече.

Впервые за долгие годы она позволила себе расслабиться. Из машины по решению проблем превратиться в слабую женщину, о которой есть кому позаботиться. Это чувство было для нее новым. Никто никогда не заботился о Любе Молодцовой. С самого раннего детства она сама заботилась о слабенькой, часто болеющей маме, чувствуя себя в их тандеме более сильной, более выносливой, более защищенной.

Пробуя новые ощущения на вкус, на звук, на цвет, на запах, она прислушивалась к себе, пытаясь понять, нравится ли ей быть слабой и подчиненной мужчине, надолго ли ее хватит.

Впрочем, надолго и не потребовалось. Очень быстро выяснилось, что ее новый возлюбленный – настоящий мафиози, организовавший в их городе бордель и контролирующий практически весь наркотрафик. Спасаясь от преследования, он чуть было не убил Алису Стрельцову, и теперь, осужденный за свои многочисленные преступления, отбывал наказание на знаменитом Белозерском «пятаке» в Вологодской области, колонии для пожизненников. (Подробнее – в романе «Судьба зимней вишни»).

На то, чтобы собрать себя из осколков, склеить заново то, что когда-то двигалось и функционировало, как Любовь Молодцова, потребовалось время. Лелька окончательно утвердилась во мнении, что мужчины – циничные эгоистичные негодяи, которым нельзя доверять и на которых нельзя рассчитывать. Она дала себе слово, что больше никогда не наступит на те же самые грабли. Пустых краткосрочных романов ей больше не хотелось. О длительных отношениях, в которых могло бы найтись место надежде, доверию или, упаси боже, любви, она думала с содроганием. Именно поэтому уже четыре года она была одна. И это странное для цветущей тридцатисемилетней женщины обстоятельство ничуть ее не угнетало.

Глава 5

Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка...

Сегодня у тебя, возможно, будет встреча с судьбой, и ты должна быть великолепно одета.

Коко Шанель

За неделю Лелька поняла, что вся их с сыном размеренная, упорядоченная, предсказуемая жизнь пошла, в прямом смысле слова, псу под хвост.

Новоявленный Цезарь радостно встречал всех, кто заходил в дом, от пришедших познакомиться Инны и Алисы до водопроводчика и развозчика пиццы. Радуюсь, он вставал на задние лапы, укладывая передние аккуратно на плечи вошедшему. Нежную любовь к собакам при этом питали не все, поэтому некоторые постыдно бежали из гостеприимных объятий, источая проклятия в адрес хозяев.

Все остальные непроизвольно охали под собачьим весом, который, как удалось выяснить путем сложных манипуляций с весами, составлял тридцать четыре килограмма, уворачивались, впрочем, безрезультатно от мокрого собачьего языка, приветственно вылизывающего физиономию, и с неестественной улыбкой говорили: «Какая у вас милая собачка».

Милая собачка, освободив жертву от своей туши, неслась по коридору, чтобы предложить гостю тапочки. Эта картина, увиденная в первый раз, умилила Лельку до невозможности, но через три дня она была вынуждена констатировать, что запас гостевых тапочек иссяк, потому как их изгрызенные ошметки валяются по всей квартире, и ее восторги малость поугасли.

Было видно, что с собакой когда-то пытались заниматься. Она не только приносила тапки, но и охотно давала лапу и знала команду «сидеть». Но на этом азы ее воспитания заканчивались. На прогулке пес упрямо тянул поводок, периодически роняя Максима на скользкий асфальт, бросался на проходящих мимо собак, не делая различий между овчарками, пуделями и мини-йорками, его было страшно спускать с поводка, потому что команды «ко мне» он не признавал, и вообще это была добродушная, ласковая, веселая, но совершенно невоспитанная молодая собака, для тренировки которой требовался характер и специальные навыки.

Характера у Лельки было хоть отбавляй, а вот навыков в тренировке собак и свободного времени катастрофически не хватало. Обдумав проблему, она вспомнила совет доктора Цыплакова, отыскала телефон кинолога, который он ей дал, и, тяжело вздохнув, позвонила.

– Да. – Мужской голос в телефонной трубке был низким и приятным. Брутальный был голос. Это Лелька почувствовала по первому же слову, впрочем, тут же отбросив эту информацию за ненадобностью. Брутальные мужские голоса ее не интересовали ни капельки.

– Добрый день. Ваш телефон мне дал Владимир Владимирович Цыплаков. Меня зовут Любовь Павловна, и мне нужен кинолог.

– Дмитрий, – немного помолчав, произнесла трубка. – Для каких целей вам нужен кинолог?

– Мы взяли собаку. Взрослую. Из приюта, – уточнила Лелька. – А поскольку мы никогда не держали собак, то совершенно не умеем с ним управляться.

– Какой породы собака?

– Лабрадор.

– Поздравляю. Для первой собаки прекрасный выбор. Он у вас съест все, до чего дотянется. Охотники в вашей семье есть?

– Нет.

– Неужели ваш муж не увлекается охотой?

– У меня нет мужа. – Лелька начала злиться. – У меня есть сын семнадцати лет, который давно хотел именно лабрадора, и когда мы узнали про бездомную собаку этой породы, то решили ее забрать.

– Сделать доброе дело? – В голосе послышалась насмешка.

– Если хотите, – с вызовом ответила Лелька.

– Да я-то ничего не хочу. – Кинолог вздохнул. – Это вы хотите, чтобы я избавил вас от проблем, связанных с вашим необдуманном решением. Вы уверены, что через месяц-другой не передумаете и не сдадите собаку обратно в приют?

– Уверена. – Лелька сжала зубы. – Мы в ответе за тех, кого приручили, и все такое.

– Экзюпери, «Маленький принц»... Вы, наверное, в молодости председателем совета дружины были. Правильная очень.

– В молодости, как вы изволили выразиться, я прогуливала уроки, курила на заднем крыльце школы и ругалась отборным матом, – сухо сообщила Лелька. – Таких, как я, в пионерские активисты не брали. А комсомол на мне кончился, так что не довелось. А вам мои успехи в боевой и политической подготовке важно знать, чтобы определиться, будете вы заниматься с моей собакой или нет?

– Если честно, я пытаюсь вас напугать, – признался голос в трубке. – У меня довольно много работы и братья за ваш случай, который, как я понимаю, будет довольно сложным, мне лень. Вот я и делаю все для того, чтобы вы передумали.

– Я не передумаю. У меня выбора нет. У меня тоже довольно много работы, и искать другого кинолога по знакомым мне некогда, тем более что Владимир Владимирович сказал, что вы – лучший. Или он ошибается?

– Ни в коем случае. Я действительно лучший. – Голос засмеялся. – Ладно, Любовь. Уж вы извините, по отчеству я вас называть не буду. Лишняя трата времени. Если вы решительно настроены на занятия и вас не пугает мой мерзкий характер, то я жду вас с сыном сегодня на первое занятие. Предупреждаю сразу, ходить на занятия желательно вдвоем. Мне проще научить обращению с собакой вас обоих, чем потом без конца исправлять ошибки. Одно занятие стоит тысячу рублей. Если устраивает, то в 19.30 встречаемся на Митинском пустыре.

– Где? – Лельке показалось, что она ослышалась.

– На Митинском пустыре. Вы знаете, где это?

– Знаю, но... Это какое-то странное место для тренировки собаки. Там же безлюдно и темно совсем.

– Вот именно. Тренировать пса в людном месте – значит обрекать всю затею на провал. Обязательно найдется несколько сердобольных старушек, которые начнут приставать, зачем вы мучаете собаку. Предпочитаю работать в тишине и одиночестве.

– А мы будем мучить собаку? – Голос Лельки слегка задрожал. Мысль о Митинском пустыре была ей неприятна.

– Нет, мучить я буду только вас с сыном. Кстати, чтобы вы понимали. Учить я буду не собаку, а именно вас. А уже вы будете тренировать свою собаку. У нее должен быть один хозяин, а я для нее посторонний, так что пес не должен ко мне привыкать.

– А скажите, Дмитрий. – В голову Лельке пришла хорошая мысль. – Вопрос денег не имеет для меня значения, поэтому можно ли отдать собаку вам на месяц-полтора, а потом уже забрать обратно, обученную всем командам?

– Во-о-о-от, я так и знал, что вы ничего не поняли. – В голосе кинолога прозвучала очередная насмешка. – Я могу забрать собаку и выдрессировать ее, но она будет слушаться только меня, и когда я вам ее верну, вы вновь встанете перед той же проблемой, что и сегодня. Я научу вас, а уже вы сами будете учить свою собаку. Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю, – упавшим голосом ответила Лелька, понимая, что отвертеться от заранее ненавистных тренировок вряд ли получится. – Тогда давайте все-таки перенесем занятия куда-то поближе к нашему дому. Мы живем на Московской улице.

– Нет, мы будем тренироваться на Митинском пустыре. У вас есть машина?

– Да.

– Тогда вам не составит никакого труда туда приехать. Хотя от Московской улицы до Митино двадцать пять минут пешком, прекрасная возможность выгулять собаку. На вашем месте я бы этим не пренебрегал. Итак, до вечера?

– До вечера, – мрачно ответила Лелька. На субботний вечер у нее, в общем-то, были совсем другие планы. Таскаться по холоду по заброшенному пустырю, где орудует неизвестный маньяк, ей не хотелось. Но в силу характера отступление было для нее смерти подобно, а потому даже не рассматривалось.

До вечера было еще далеко, поэтому, сходяв на кухню за яблоком, она вернулась в кровать, блаженно откинулась на подушки и открыла новенький детектив норвежского писателя Ю Несбе. Его книги она открыла для себя недавно и читала с огромным удовольствием. Сейчас перед ней лежал роман «Снеговик», посвященный, как она знала из аннотации, поиску серийного убийцы.

Читать в постели и грызть что-нибудь вкусненькое – это было ее любимое времяпровождение выходного дня. Предвкушая тихий покой ближайшего часа-полтора, Лелька довольно улыбнулась. Яблоко, правда, оказалось невкусным. Картонным каким-то. Оставив его недоеденным на тумбочке у кровати, она перелистнула очередную страницу книги, на которой молодая женщина занималась любовью под тихо падающий за окном снег.

Шлеп-шлеп-шлеп, цок-цок-цок... В спальню заглянул Цезарь, периодически обходящий квартиру по периметру, дабы убедиться, что свои на месте, а чужих не наблюдается, тапочки не нужны. Посмотрев в сторону двери, Лелька в очередной раз мимоходом удивилась, какой он огромный.

Подойдя поближе, пес положил голову на край кровати и, скосив глаза в сторону тумбочки с лежащим на ней яблоком, скорчил умильную рожу.

- Ты что, яблоко хочешь? - догадалась Лелька. - На, возьми, мне не жалко. Не будешь ведь есть.

Пес продолжал жалобно коситься на тумбочку, не прикасаясь к вожаденному лакомству. Засмеявшись, Лелька протянула руку и пододвинула яблоко поближе к собачьей пасти. Благодарно ткнув ее носом, Цезарь блаженно захрумкал яблоком, съев его вместе с семечками, не оставив даже хвостика.

- Ишь ты, - удивилась Лелька. - Яблоки ешь. Чудной ты.

Чуть позже, когда она поделилась своим удивлением с сыном, тот закивал головой:

- Так да, он на улице на газонах все яблоки подбирает. Он, мам, наверное, пока бродяжничал, яблоками питался. В этом году их же много было, а другой еды на улице ведь не сыщешь. Вот и привык. К яблокам.

- Может быть, - задумчиво согласилась Лелька. Пес, за две недели ставший не таким худым, смотрел на нее, лежа у ног и благодарно виляя хвостом. Раздражение по поводу вечерней тренировки, которое она испытывала утром, прошло без следа. Это была ее собака. Красивая, ласковая и требующая регулярной заботы, в которую входили и тренировки. И проявлять эту заботу было совсем не трудно.

Кинолог Дмитрий оказался высоким стройным мужчиной по виду чуть за сорок. Добротный, хотя и недорогой пуховик, лыжная шапочка, надвинутая по самые брови, ботинки на толстой рифленой подошве. Взгляд немного сердитый, немного оценивающий. Вот и все, пожалуй, что отметила Лелька при первом знакомстве.

Встретились они у последнего в этой части города, недавно сданного дома, сразу за которым начинался Митинский пустырь, заросший мерзлым бурьяном в человеческий рост. Жилой дом приветливо светился вечерними окнами. За ними шла жизнь – со своими ссорами, примирениями, страстями, тихим чтением книги под одиноким торшером, интересным фильмом, который так здорово смотреть вдвоем, обнявшись под теплым пледом, уроками накануне новой учебной недели, со свернувшейся в ногах кошкой или собакой, которую нужно идти выгуливать, выползая из теплой квартиры на мороз.

Ей всегда было интересно гадать, кто эти люди, скрывающиеся за плотными шторами, как веки, прикрывающими уставшие глазницы окон. У каждого из них была своя история, о которой ничего нельзя знать наверняка. И кто-то сейчас наблюдал через щель в шторе за тепло одетой троицей – мужчиной, женщиной, мальчиком-подростком и большой собакой, которая вьюном вертится вокруг них.

– Здравствуйте. Я Дмитрий.

– А я Любовь Павловна, Люба. Это я вам звонила. А это мой сын Максим.

– Привет. – Кинолог стащил вязаную перчатку и, как со взрослым, поздоровался с Максом за руку. – А этого друга как зовут?

– Цезарь, только он еще про это не знает, – поспешил объяснить Максим. – Мы его неделю назад из приюта взяли. Как его по-настоящему зовут, мы не знаем, а на Цезаря он пока еще не откликается.

– Откликнется. – В голосе кинолога прозвучала убежденность. – Ты его, парень, когда зовешь гулять или кормить, обязательно по имени называй. За пару месяцев привыкнет. Ну что, если вы готовы, то пойдете.

– Куда? – встревожилась Лелька.

– На пустырь. Не тут же нам заниматься. Во дворе чужого дома знаете сколько любопытных глаз мы привлечем. Да не бойтесь вы! Занятие часа полтора продлится, не успеете замерзнуть.

– А мы и не боимся. – Голос Лельки слегка дрожал. Она вглядывалась в неосвещенную пустошь, расстилающуюся перед глазами. Идти на пустырь страшно не хотелось. Но кинолог уже затопал своими тяжелыми ботинками по едва заметной тропинке, вьющейся среди бурьяна, Максим дернул за поводок и пошел следом, так что Лельке ничего не оставалось, как, вздохнув, тоже ступить на вздыбившуюся острыми комьями замерзшей земли, похожую на скелет динозавра дорожку.

Как выяснилось, идти не хотелось не только ей. Сделав пару шагов внутрь бурьяновых зарослей, пес довольно лихо достиг первой канавы, глубокой морщиной пересекающей их путь, после чего остановился и сел, широко расставив передние лапы.

– Цезарь, ты чего? – Максим потянул за поводок, но пес попрочнее уперся в землю и наотрез отказывался двигаться с места. – Цезарь, пошли, нам туда! – Максим посильнее дернул за поводок, клацнул карабин, заставив оглянуться уверенно шагающего впереди кинолога, но пес остался сидеть, угрожающе зарывчав. Шерсть у него на холке поднялась дыбом, как будто в минуту сильнейшей опасности.

– Что тут у вас? – Дмитрий широкими шагами приближался к отставшей компании.

– Вот. – Максим был растерян. – Отказывается идти. Рычит, и все.

– Собака, ты что? – Кинолог присел на корточки и ласково провел рукой по вздыбившемуся загривку. – Чего ты испугался-то?

Заставив пса подняться, он взял его на короткий поводок и повел рядом с собой, практически прижав к ноге. Пес не осмелился послушаться, но сильно дрожал. Так прошли еще несколько десятков метров, но при виде следующей канавы Цезарь лег на брюхо и наотрез отказался подниматься на ноги. Собаку била крупная дрожь.

– Может, тут кто-то есть? – дрожащим голосом спросила Лелька. – Это нехорошее место. Здесь уже несколько человек убили. Молодых парней, – уточнила она.

– Я знаю. – Голос кинолога звучал глухо. – Но тут никого нет. Перед тем как вас встретить, я обошел пустырь, чтобы убедиться, что нам никто не помешает.

– Тогда что это он?

– Не знаю. Но вашу собаку, несомненно, что-то связывает с этим местом. Откуда он у вас взялся, вы говорите?

– Моя сотрудница рассказала, что ее знакомая подобрала на улице и привела домой собаку. Но так как у нее не было возможности ее содержать, она сдала ее в приют. «Последняя надежда», знаете о таком? – Кинолог кивнул.

– Мы решили, что собака погибнет, а пес хороший, породистый. Сын у меня очень давно просил собаку, вот мы ее и взяли.

– То есть о его прошлом вам ничего не известно?

Лелька отрицательно покачала головой.

– Цезарь, пойдём. – Кинолог отдалился на некоторое расстояние, максимально возможное по длине поводка, там снова присел на корточки и достал из кармана какое-то лакомство. – Иди сюда, мой хороший.

Пес заколебался, неохотно поднялся с земли, сделал пару шагов по направлению к Дмитрию, потом снова лег на землю, снова встал и медленно и неохотно все-таки подошел за протянутым ему кусочком докторской колбасы.

– Молодец, умница, реагируешь на лакомство, – удовлетворенно сказал Дмитрий. – Не будем тебя мучить, дальше не пойдём. Тут площадка неплохая. Сегодня на ней потренируемся.

В течение получаса он рассказывал и показывал Максиму премудрости выполнения команды «рядом». Помимо своей воли Лелька тоже заинтересовалась происходящим. Вот только Цезарь все время отвлекался, тревожно озирался по сторонам, намеревался отбежать как можно дальше от зияющей впереди канавы и временами снова начинал дрожать.

Через полчаса кинолог сдался.

– Нет, тут все равно ничего не получится, – признал он. – Очень интересная все-таки реакция у собаки. Дорого бы я дал, чтобы понять почему, какие ассоциации вызывает у него это место. Давайте в следующий раз попробуем не здесь.

– А я вам предлагала, – тут же взъерепенилась Лелька.

– Да. Вы были правы, а я не прав, – неожиданно покладисто согласился кинолог. – Неподалеку от вашего дома есть парк, в следующий раз тренироваться будем там. Во вторник, если вас устроит. А пока... Парень, я тебе все показал. Во время прогулок утром и вечером ты должен не менее двухсот раз повторить команду, чтобы он ее запомнил. Тут от тебя все зависит. От твоей настойчивости и упорства. А сейчас все, можете идти.

– Деньги вы за каждое занятие будете брать? – уточнила Лелька, во всем предпочитающая ясность.

– Да, тысяча рублей, как и договаривались. Мы, конечно, сегодня мало занимались, но это не по моей вине. Собака слишком напряжена. В следующий раз это время компенсируем.

– Да ради бога. – Лелька независимо пожала плечами. – Это несущественно. – Достав из кармана своего ярко-красного пуховика тысячную купюру, она протянула ее кинологу.

– Пошли, Максим, – позвала она сына, махнув рукой в сторону тропинки, ведущей обратно к безмятежно светящемуся дому. До него, как до островка безопасности, было метров сто, не больше. – А вы идете?

– Нет, – как-то чересчур поспешно ответил кинолог. – Мне в другую сторону. Я машину у того конца пустыря поставил, за Осановской рощицей, так что прогуляюсь.

– Не боитесь по темноте ходить? – поддела его Лелька. – А вдруг получится, как в песне... В подворотне притаился маньяк.

– Не боюсь. – Голос прозвучал сухо и бесцветно. – Отбоялся свое. Поверьте, мне маньяки не страшны. Да и подворотни тут нет.

– До свиданья. – Повернувшись к новому знакомому спиной, Лелька зашагала вслед за сыном, стараясь не оступиться на скользкой земле. Цезарь уверенными скачками бежал впереди, таща за собой не поспевающего за ним Максима. Собаке, как и ее новой хозяйке, до смерти хотелось поскорее покинуть это место.

Только раздевшись в спасительном тепле дома, Лелька поняла, что замерзла. У нее просто зуб на зуб не попадал, хотя на улице было градусов восемь мороза, а ее финский пуховик был рассчитан на температуру до минус сорока.

«Заболеваю, что ли?» – уныло подумала с детства не любившая болеть Лелька. Ее деятельная натура не выносила пустопорожнего валяния в кровати, когда из-за высокой температуры даже почитать не удастся. Кроме того, дел на работе из-за открытия нового направления было невпроворот, и она никак не могла себе позволить такой роскоши, как бесцельное времяпровождение.

Немного подумав, Лелька влезла в горячую ванну, прихватив с собой сваренный на скорую руку глинтвейн. Такая ударная мера довольно быстро позволила ей согреться. Дрожь прошла, и вполне довольная жизнью Лелька натянула теплую байковую пижаму и юркнула в кровать под пуховое одеяло, бабушкино, привезенное из деревни, когда ей было пять лет, и с тех пор служившее ей верой и правдой.

Одеяло было очень теплое и легкое, почти невесомое. Бабушка собственноручно набила его пухом домашних гусей, который собирала несколько лет. Чехол, в который были заключены легкие мягкие перышки, она сшила из ситца – белого в голубой и розовый цветочек. Одеяло казалось маленькой Лельке безумно красивым. Цветочки, выглядывающие через открытый ромб, вырезанный в белоснежном пододеяльнике, подмигивали ей, даря блаженный покой вечером и уговаривая подняться ни свет ни заря, чтобы с метлой или лопатой идти во двор.

Пока она росла, белый фон одеяла замуслился, а цветочки малость выцвели, поэтому мама, не спросив Лельку, как-то купила ярко-розового атласа и сшила на одеяло новый чехол. Лелька чуть не заплакала, когда пришла из школы и увидела все это великолепие. Уже переехав на новую квартиру, она решила

вернуть одеялу прежний вид. Обойдя несколько магазинов, нашла именно то, что искала – тонкий ситец, на белом фоне которого расцветали голубые и розовые незабудки. Как в детстве.

Теперь ее одеяло было таким, как надо. Меняя спальные гарнитуры, переходя с сатинового белья на шелковые простыни, экспериментируя с бамбуковыми, шелковыми, ортопедическими, синтепоновыми и халофайберовыми подушками, одеяло она не меняла никогда. Теплое в морозы и легкое в летнюю жару, оно связывало ее с прошлым, в котором была жива мама и в котором она сама была не сильной, успешной и нестигаемой Любовью Павловной Молодцовой, а маленькой Лелькой, в случае невзгод утыкающей личико в мамины коленки.

Одеяло было ее личным способом утешения. Вот и сейчас, оттаивая телом и душой от незадавшейся тренировки с кинологом, от которой у нее почему-то осталась на душе тяжесть, а в желудке продолжали ворочаться камни, да нет, не камни, а ледяные глыбы, не до конца растаявшие даже под воздействием глинтвейна, она обхватила складки одеяла коленками, подтянула краешек к лицу и зарылась в него носом. Блаженно вздохнув, она решила почитать. Так и не осиленный по причине нехватки времени, но очень захватывающий «Снеговик» жаждал ее внимания. В конце концов, нужно же понять, кто тот маньяк, который на протяжении нескольких десятков лет убивает изменяющих своим мужьям женщин.

Впрочем, минут через десять Лелька поняла, что читать не может. Часы показывали десять минут десятого, детское время. Ну и пусть. Прокричав сыну «спокойной ночи», она отложила книжку, выключила свет и поглубже зарылась в спасительное одеяло. В конце концов, завтра понедельник, день тяжелый, так что выспаться совсем даже не грех.

Будильник зазвонил, ввинчиваясь в мозг с особой жестокостью. Разлепив глаза, Лелька схватила телефон, чтобы нажать отбой, и тут же выяснила, что это не будильник, до звонка которого, поставленного на восемь утра, оставалось еще сорок минут. Звонил сам телефон. На экране модного нынче айфона высвечивалась фотография невообразимо рыжей и прекрасной Инессы Перцевой. Зная, что подруга разделяет ее нелюбовь к ранним вставаниям, Лелька быстро нажала кнопку. Заставить Инку позвонить в такую рань могло только что-то чрезвычайное.

– Случилось что-нибудь? – осведомилась Лелька, привыкшая с ходу брать быка за рога.

– Ты с Максом поговорила? – тоже не здороваясь, спросила подруга.

– Про безопасность? Поговорила, конечно, но он, как всегда, счел мои опасения излишними. Ты же знаешь, он иронично уверяет, что у него сумасшедшая мать.

– Пусть лучше ты будешь сумасшедшей, – отрезала Инна. – Лелька, поговори с ним еще раз и очень серьезно. В Митине еще один труп нашли.

– Когда? – Лелька почувствовала, что у нее пересохло в горле.

– Рано утром. Я тут на пустыре с шести утра мерзну. Хорошо, что опер знакомый дежурил, позвонил. Так что я сразу фотоаппарат в зубы и сюда.

– А кого убили? – спросила Лелька, вспоминая крепкую фигуру кинолога, уверяющего, что ему не страшны маньяки, и растворяющегося в черноте пустыря.

– Кого, мать твою... Опять вьюнош, у которого еще молоко на губах не обсохло. Через месяц восемнадцать должно исполниться. Вчера вечером с тренировки волейбольной не вернулся. Родители всю ночь бегали, искали. Они довольно далеко от Митино живут, так что парню там вроде бы нечего было делать. Только в пять утра решили на всякий случай там пошукать. И нашли. Мать твою... Лель, поговори с Максимом. Пусть он из школы прямо домой идет, и все. И ни с какими посторонними не разговаривает. Поняла?

– Инн, – хриплым шепотом сказала внезапно потерявшая голос Лелька, – мы с Максом там вчера вечером были.

– Где?

– На Митинском пустыре. Мы собаку там тренировали и домой вернулись только в районе восьми вечера. И Цезарь, ну, наш пес, там все время дрожал и трясся, и убежать оттуда хотел. Он чего-то боялся, понимаешь? И я тоже.

– Твою мать! – Краем сознания Лелька отметила, что лексикон подруги не отличается значительным разнообразием. – Вставай. Я сейчас приеду.

Больше всего на свете люди любят читать про неприятности, случившиеся с другими людьми. Чтобы убедиться, что это правда, достаточно посмотреть ТОП-10 самых читаемых материалов любого новостного сайта или электронной версии любой газеты. Сводки происшествий, криминальная хроника, известия об ураганах, смерчах, авариях и катастрофах с уверенностью занимают верхние строчки любого рейтинга.

Именно поэтому люди так любят смотреть и читать детективы и приключенческие фильмы. Сидишь себе, как говаривал кто-то из классиков отечественного юмора, «ноги в горчице» и получаешь острые ощущения от событий, которые происходят не с тобой. И интересно, и не страшно.

Люди любят с болезненным любопытством наблюдать, как ведут себя другие в состоянии горя. Вглядываются в лица рыдающих на похоронах родственников, вчитываются в репортажи о трагедиях звезд, жадно впитывают все новые и новые подробности крушения самолетов, выспрашивают тончайшие детали чужой болезни. На этом болезненном интересе держится известность и неплохой заработок целой когорты журналистов, специализирующихся именно на таких горячих темах.

Почему чужое горе так притягательно? Так пугающе и маняще одновременно? Не потому ли, что каждый раз оно дает нам возможность обратиться к богу с пусть и внутренней, но молитвой. Чур меня, пусть все беды и испытания обойдут меня и моих близких стороной! Пусть меня никогда не накроют те эмоции, которые сейчас я так жадно изучаю на чужих лицах!

Чаще всего люди читают и смотрят про то, чего сами боятся больше всего на свете.

Глава 6

Женская логика в действии

В жизни всегда есть место подвигу. Надо только быть подальше от этого места.

Михаил Жванецкий

В нетерпеливом ожидании Инны Лелька наскоро приняла душ, натянула джинсы, которые проходили у нее под определением «душеспасительные» (вытертые, мягкие и удобные, купленные во время первой в ее жизни поездки за границу, «ни разу» не фирменные и уже очень и очень потрепанные, они надевались лишь в случае глубоких душевных потрясений), сварила кофе с корицей, потрепала причапавшую на звук ее шагов в кухню собаку по загривку и принялась думать.

Перед глазами у нее стояла одна и та же картинка: поворачивающийся к ним с Максом спиной кинолог, уходящий в черноту проклятого пустыря. Теперь, когда Лелька знала, что жертвой убийцы стал не он, а очередной ни в чем не повинный ребенок, она не могла отделаться от мысли, что именно кинолог, как никто лучше, тянул на роль злодея.

Лелька вспоминала, как рычал и упирался Цезарь, явно учуявший на пустыре что-то нехорошее. Как Дмитрий говорил, что перед их занятием обошел весь пустырь и убедился, что там никого нет. Зачем он это сделал? Что он искал на заброшенном пятачке земли с сомнительной репутацией? Что там могло быть такого, чтобы помешать тренировке? Из-за чего так беспокоилась собака?

Труп уже был там? Тогда почему кинолог сказал, что ничего не видел? Или пес учуял злоумышленника, прятавшегося в канаве? Тогда почему он понял, что это злоумышленник, ведь эта собака радуется любому незнакомому человеку, находящемуся в радиусе пятнадцати метров. Или все-таки Цезарь чуял зло, исходящее именно от кинолога, и поэтому наотрез отказывался заниматься?

Все эти вопросы не давали ей покоя, поэтому она поспешила высказать их приехавшей Инне.

– Так, а как его зовут? – спросила подруга, зажигая сигарету и прихлебывая огненный кофе, который Лелька варила просто отлично.

– Я ж тебе говорю, Дмитрий. Ты что, совсем меня не слушаешь? – рассердилась Лелька.

– Прекрасно я тебя слушаю, а фамилия у твоего Дмитрия есть?

– Есть. У нас в стране у всех людей есть фамилия, если ты не в курсе. Только я ее не знаю.

– Ну ты даешь! – искренне восхитилась Инна. – Доверяешь свою собаку вкуче со своим дражайшим сыночком совершенно незнакомому человеку и даже не спрашиваешь его фамилии? Это ты-то, образец правильности и фанат безопасности!

– Ну, сглупила, – признала Лелька. – Мне его доктор собачий рекомендовал, а у него очень хорошая репутация. Мне Наташка его насоветовала. И фамилию доктора я знаю. Инн, как ты думаешь, может, мне отменить, на хрен, эти тренировки? Я его боюсь.

– Во-первых, никто не доказал, что он убийца, – рассудительно заметила Инна. – Если нет, то ты будешь выглядеть как минимум глупо. Ты ж сама говоришь, что он лучший специалист в своем деле, так зачем отказываться-то?

– А во-вторых? Давай договаривай, знаю я тебя как облупленную. Наверняка уже придумала что-нибудь.

– А во-вторых, – глаза у Инны заблестели, – мы должны за ним проследить. Представляешь, как будет здорово, если это он, и мы это докажем!

– Ты с ума сошла, малахольная?! – закричала Лелька. – Зачем мне его ловить? Я что, Шерлок Холмс или Нат Пинкертон? Мы его ловить-то будем на Максима, как на живца! Ты вообще соображаешь, что предлагаешь?

– Не ори. – Инна спокойно затянулась сигаретой. – Ничего твоему Максиму не угрожает. На Митинский пустырь больше ни ногой. Это табу. А он убивает только там. Погуляешь недалеко от дома. Я вместе с тобой пару раз погуляю. Сфотографирую его невзначай, через Ваньку Бунина выясним, кто это такой. В общем, соберем информацию и посмотрим, есть ли в его поведении что-нибудь

подозрительное. А потом Ваньке его и сдадим. На блюдечке с голубой каемочкой. И будет нам почет и уважение. А мне еще и «гвоздь» в номер.

– Ну что ты придумала, Инка! – Голос у Лельки чуть заметно дрожал. – Когда мне расследованиями заниматься? У меня открытие нового салона на носу, скоро предновогодний кипиш начнется, я буду сутками от кресла не отходить. Какие мне тренировки?

– Вот и надо в оставшееся время во всем разобраться, – убежденно ответила Инна. – Если этот твой кинолог – добропорядочный гражданин мира, так и будешь с ним Максима безбоязненно отпускать, пока сама стрижешь и красишь. Рядом со здоровым мужиком и здоровой собакой, – она покосилась на лежащего под столом Цезаря, – ему ничего угрожать не будет. А если мы маньяка поймаем, то и одному гулять станет можно. Просекаешь?

– Просекаю. – Лелька махнула рукой. – С тобой спорить все равно невозможно. Я тебе слово, ты мне десять.

– Вот и прекрасно. – Инна вскочила со стула и стремглав понеслась в прихожую. Эта женщина-метеор все делала быстро. – Поехали на работу, день уже в разгаре. Когда у вас ближайшая тренировка?

– Завтра в семь, в парке напротив.

– Прекрасно. Я приеду. Давай, подруга, до скорого. И не дрейфь ты! Все хорошо будет.

Ее убежденности Лелька отнюдь не разделяла, однако спорить с Инессой Перцевой, когда та что-то вбила в свою журналистскую голову, было абсолютно невозможно. Тяжело вздохнув, Лелька покорила судьбе, надеясь, что вторичная тренировка по какой-то причине отменится сама собой.

Однако Дмитрий позвонил во вторник днем, чтобы подтвердить вечерние «явки-пароли». Она уже хотела соврать, что у нее изменились планы, но вспомнила, с каким нетерпением ждет нового занятия Максим, как он увлеченно рассказывает об успехах Цезаря, вздохнула и пообещала, что они придут в парк без опоздания.

Ровно в семь, одевшись потеплее, они стояли у входа в парк. Обещавшая приехать Инна, естественно, опаздывала. На Лелькиной памяти она еще ни разу никуда не пришла вовремя.

Парк представлял собой благоустроенную зеленую зону с фонарями вдоль выложенных тротуарной плиткой дорожек. Летом тут было полно скамеек, на которых отдыхали бабушки и мамочки с колясками, однако на зиму скамейки увозили на хранение, поэтому по вечерам парк был довольно безлюден.

Здесь охотно гуляли собачники, и сейчас Лелька с радостью насчитала минимум трех владельцев собак. Здоровенный «немец» бегал неподалеку, пристегнутый к длинному поводку пудель увлеченно обшаривал кусты, и в конце парка мелькал белый в черных пятнах пес, довольно крупный и лохматый.

Повертев головой и убедившись, что они не одни, Лелька немного успокоилась. Дмитрий появился откуда-то из-за спины. Его негромкое «здравствуйте» заставило ее подпрыгнуть.

– Вы чего подкрадываетесь?! – накинулась она на кинолога, смотрящего на нее с усмешкой.

– У вас проблемы с нервной системой? – осведомился он. – Я не подкрадываюсь. Я просто подошел и поздоровался, никак не ожидая подобной реакции. Привет, Максим.

– Здравствуйте. – Максим прямо светился от радости. Лелька видела, что растущему без мужского влияния сыну кинолог очень нравится. Юноша смотрел на него с жадным вниманием и чуть ли не благоговением. – Он ходит рядом, честное слово! Конечно, иногда не слушается, но я все делаю так, как вы велели. Вы посмотрите, да? А какую команду мы сегодня будем учить?

– Погоди, не части. – Дмитрий широко и открыто улыбнулся, и Лелька подумала, что так улыбаться могут только хорошие люди. Во время улыбки лучики морщинок разбегались у него от глаз, пуская тонкие стрелы к вискам. У него были крепкие зубы, очень белые. Лелька давно уже не видела ни у кого таких ярко-белых зубов. Просто голливудский оскал, а не улыбка! – Сейчас ты мне все покажешь, а потом мы будем учить команду «сидеть».

- А он ее знает. - Максим был страшно горд талантами своей собаки.

- Ну, тогда мы ее тоже повторим, а учить будем команду «стоять», - покладисто согласился кинолог. Цезарь тем временем деловито отошел в сторону и начал сосредоточенно рыться в засыпанной снегом клумбе. Отыскав в ней что-то, он судорожно заработал лапами, разгребая снег, а затем, выкопав большое, замерзшее, начавшее чернеть яблоко, ритмично заработал челюстями.

- Фу. - Реакция кинолога была стремительной. Дернув собаку за поводок, он подтащил ее к себе, стукнул по морде и, скинув перчатку, длинными пальцами залез в собачью пасть, чтобы достать злосчастное яблоко. Лелька опять вспомнила Иннину маму, выцарапывающую окурки из ротика внучки.

- А что, ему яблоки нельзя? - тревожно спросил Максим. - Он их очень любит.

- Дело не в яблоках, покупайте их ему, раз он ест. Нормальное лакомство, ничем не хуже других, - пояснил Дмитрий, закидывая добытый из пасти трофей далеко в кусты. - Но ни в коем случае не позволяй своей собаке подбирать что-то с земли. Вы про догхантеров слышали?

- Нет, а кто это? - спросила Лелька.

- Охотники на собак. Активизировались в последнее время сильно. Раскидывают отраву по городу, в основном в парках, скверах, на выгулочных площадках. Собаки десятками погибают.

- Зачем? - Максим блестящими от жалости глазами смотрел на кинолога.

- Говорят, что так они защищают людей от бродячих животных. Вот только метод этот достаточно негуманный, во-первых, и много хозяйских собак гибнет, во-вторых.

- Но это же жестокое обращение с животными! - Голос Максима дрожал.

- Несомненно. Но их надо поймать, а потом еще злой умысел доказать. Даже хозяева погибших собак заявлений в полицию, как правило, не пишут. Не хотят связываться. Раньше их поменьше было, а сейчас какой-то новый лидер у них

появился, что ли. Объединяет молодняк на борьбу с собаками, отравой снабжает. Просто повальное бедствие стало. Так что, парень, еще раз тебе говорю, вне дома не давай ему ничего есть. С земли особенно.

В Лельку вселился какой-то бес. Умом она понимала, что нужно молчать, тем более что Инка куда-то запропастилась, но сдержать себя не могла. Не варежки же вязаные себе в рот запихивать. На глазах у изумленной публики.

– А вам собак, выходит, жалко, которых убивают? – спросила она с нехорошим прищуром.

– А вам нет? – вопросом на вопрос ответил кинолог.

– Мне жалко, несомненно. Я не вивисектор. Но мне людей жалко гораздо больше.

– Каких людей? Которые, по утверждению дохгхантеров, становятся жертвами бродячих собак? Так я таких, смею вам заметить, не встречал. Когда идешь мимо большой бесхозной собаки, нужно не приставать к ней, не размахивать палками, не орать и не бояться. Просто идти себе, как шел. И ничего не будет.

– Нет, мне жалко людей, которых убивают другие люди. Вы слышали, что на пустыре, где мы с вами гуляли в воскресенье, практически сразу после нашего ухода убили молодого парня? Очередного молодого парня, еще только-только начинающего жить.

– Да, знаю. – Голос кинолога зазвучал как-то глухо. Как говорят в театре, «в маску». – Вы были абсолютно правы, когда не хотели заниматься на Митинском пустыре. Нехорошее это место.

Лелька попробовала поймать его взгляд. Но тщетно. Кинолог смотрел куда-то в сторону. Вид у него был понурый и какой-то растерянный. Убитый, подобрала Лелька нужное слово.

– Почему собака так нервничала? – спросила она. Он, по-прежнему не глядя на нее, пожал плечами:

– Не знаю. Правда, не знаю. Может, чувствовала что-то. А может, у нее действительно что-то связано с этим местом.

– А вы собак давно тренируете?

– Ну, собаки у меня всю жизнь. Я с ними вырос, можно сказать. А кинологией занялся не так давно. Года три.

– А где вы работаете?

– А это важно? Работаю. В квалификации моей можете не сомневаться. Если будете выполнять мои рекомендации, то собака у вас будет просто загляденье.

Обнюхивающий кусты Цезарь поглядывал в их сторону. Максим, которому надоело стоять на одном месте, тоже.

– Может, пойдем уже? – робко спросил он.

– Конечно, просто у тебя мамаша любопытная, – ответил Дмитрий. – Не по годам.

Лелька фыркнула.

– А вы любых собак на тренировки берете? – Последнее слово всегда должно было оставаться за ней, а потому сдаваться без боя она не собиралась.

– Собак – да. Ну, кроме йоркширских терьеров. Потому что это не собаки. Я маленькую шелупонь вообще не признаю. А семьи – не все. Только те, где растут мальчики.

– Почему? – Упоминание о мальчиках Лельке категорически не нравилось. Митинский маньяк тоже предпочитал исключительно парней.

– Потому что крупной собаке, а с мелкими, как я сказал, не работаю, нужна твердая рука. Мужская. К женской способности выдрессировать пса я отношусь скептически. Вы уж меня извините, – он смерил ее с ног до головы, – но я вообще не очень высокого мнения о женщинах. Пошли, Максим.

– Мама – не как все женщины! – убежденно возразил сын, и они пошли вдоль дорожки. Со спины удивительно ладные и похожие друг на друга – высокие, стройные, в синих пуховиках и голубых вязаных шапочках. Впереди бежал довольный и веселый Цезарь.

У Лельки зазвонил телефон. Это была Инна, которая приехала ко входу в парк и спрашивала, как их найти.

– Стой на месте, – распорядилась Лелька, которой срочно нужно было хотя бы кем-нибудь покомандовать. – Я сейчас за тобой приду.

Посмотрев вслед уходящей троице, которой явно было хорошо друг с другом, она повернулась в противоположную сторону и отправилась встречать Инну.

– Ну что? – приветствовала ее та. – Он все такой же подозрительный?

– Да я уже ничего не знаю, – махнула рукой Лелька. – Вроде мужик как мужик. Но про убийство на пустыре знает. Как я об этом заговорила, мрачный такой стал. И вот еще. Он почему-то на тренировки соглашается только в том случае, если в семье есть парень. Я спросила, почему. Он как-то неубедительно ответил. Отбрехался, короче. Может, он в таких семьях юношей присматривает? В смысле будущих жертв?

– Все может быть в нашей жизни, – философски заметила Инна. – Версия богатая, не хуже других. Я, пожалуй, сегодня вечером Ваньке Бунину позвоню, повыспрашиваю, не было ли в семьях погибших домашних собак. Сейчас-то он где?

– Там. – Лелька махнула рукой в глубину парка.

– И ты не боишься Макса с ним оставлять? На такую переполошенную курицу-мамашу, как ты, даже не похоже.

– Я ж на пять минут отошла, – сказала Лелька, – тебя встретить и назад. Там людей много, с собаками гуляют, дорожки все освещены, так что не страшно. Да и не убивает же он нигде, кроме Митино.

– Мы еще не знаем, он это или не он, – глубокомысленно изрекла Инна. – Ладно, пойдём, посмотрим на вашего Чикатило. Легенда такая. Я хочу взять собаку, но не уверена, что смогу с нею справиться, поэтому, как высокоорганизованная особь, решила поучиться не на своих ошибках, а на чужих. На твоих то есть. Поняла?

– Поняла, – послушно кивнула Лелька.

По скрипящему снегу они двинулись в глубь парка, туда, где пару минут назад она оставила с кинологом Макса и собаку. На пяточке, где они расстались, гуляла лишь давешняя женщина с пуделем. По дороге им встретилась овчарка без поводка с мрачным хозяином. Но ни Макса с Цезарем, ни бело-черной собаки с мальчиком, ни кинолога нигде не было.

– Далеко еще? – спросила нетерпеливая Инна. – Так-то в мои планы не входит на каблуках километры по парку накручивать. – Лелька скосила глаза и скептически посмотрела на узконосые ботиночки на высокой шпильке, обрамленные вокруг изящной щиколотки черной норкой.

– Да подевались куда-то, – испуганно пробормотала она. – Женщина, – хозяйка с пуделем недовольно посмотрела в ее сторону, – тут мужчина с юношей и собакой гуляли. Вы не видели, куда они ушли? – Женщина отрицательно замотала головой.

– Да погоди ты, – глядя в побелевшее лицо подруги, успокаивающе сказала Инна. – Куда им деваться-то было? Здесь они. Парк большой. Но мы их сейчас найдем. Давай так, ты по левой дорожке иди, а я по правой. И не психуй ты раньше времени!

Кивнув, Лелька бросилась влево. Сердце раненой птицей билось в горле, как в клетке. Ужас, панический, останавливающий дыхание, сковывал ноги, не давая бежать вперед.

– Макс! – кричала она. – Макс, ты где?! Цезарь, Цезарь, ко мне! – Вечерняя тишина, белоснежной ватой окутывающая безмолвный парк, была ей ответом.

Дорожка под давлением нечищенного снега сужалась. Здесь под снежным накатом уже практически не было видно плитки. По бокам топорщились первые

сугробы. От страха Лелька не понимала, есть вокруг следы или она бежит по снежной целине, не встревоженной ни человеком, ни зверем. Парк, как заколдованный вражеский лес, вставал за ее спиной, наступал по бокам, вырастал впереди, лишая ориентации в пространстве и остатков надежды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/martova_lyudmila/fevral-skaya-siren

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)